

Годъ III-й.

№ 9-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ЮНОШЕСТВА

И

САМООБРАЗОВАНІЯ.

С Е Н Т Я Б Р Ъ

1894 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).

1894.

ВЪ СТРАНѢ ГЛИНЫ И ПЕСКУ.

(ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ).

I.

Въ Кизыль-Нумахъ.

Отъ Оренбурга до Казалинска я ѣхалъ на перекладныхъ. Степь, сначала черноземная, затѣмъ глинистая, мѣстами сыпучіе пески, маленькіе станціонные домики съ полосатымъ столбомъ у подъѣзда и звонъ колокольчиковъ на дугѣ коренника—вотъ почти все, что осталось въ моихъ воспоминаніяхъ объ этой дорогѣ. Да и мудрено помнить о ней что-нибудь больше, когда все это разстояніе я промчался, что называется «flüchtig», безъ обычныхъ задержекъ въ лошадахъ и безъ всякихъ случайностей ѣзды на почтовыхъ. Только на одной станціи, гдѣ-то на серединѣ пути, на крыльцо вышелъ заспанный староста и еще раньше, чѣмъ я успѣлъ вылѣзть изъ телѣжки, сообщилъ, что лошадей нѣтъ. Однако и тутъ меня выручилъ какой-то «проѣзжающій» и я поѣхалъ на обратныхъ, прождавъ очень недолго. Изъ Казалинска я спустился на лодкѣ внизъ по Сырь-Дарьѣ до самаго моря и чрезъ 10 дней вернулся въ тотъ же городъ, но я не стану останавливаться на описаніи этого плаванія, такъ какъ оно не кажется мнѣ достаточно интереснымъ. Сырь-Дарья—рѣка, какъ и многія наши русскія рѣки, довольно широка, изрядно быстра и не то, чтобы слишкомъ прозрачна, вѣрнѣе сказать, просто мутна; но вотъ степи, окружающія Аральское море, это—далеко не то, что наши русскія степи, да и путешествіе по нимъ, въ особенности тамъ, гдѣ нѣтъ почтоваго тракта, дѣло совсѣмъ особаго рода. Почтовая ѣзда извѣстна всякому. Потребовалъ лошадей, сѣлъ и поѣхалъ; а нѣтъ лошадей, такъ жди и разгоняй скуку чтеніемъ жалобной книги. Если ждаты надобѣсть, можно записать и свою жалобу. Впослѣдствіи кто-нибудь другой будетъ развлекаться. Вотъ, если приходится ѣхать по степи, гдѣ на сотни верстъ нѣтъ ни одной жа-

лобной книги, нѣтъ ни станціи, ни лошадей, да пожалуй, нѣтъ и людей, тутъ путешественника ожидаютъ совсѣмъ иныя удовольствія, а какія именно, объ этомъ европейскіе туристы знаютъ лишь по слухамъ, или по описаніямъ. Поэтому-то я и думаю ограничиться разсказомъ только о той части своей поѣздки, которая сопровождалась такими особыми развлечениями.

Изъ Казалинска мнѣ предстояло ѣхать въ укрѣпленіе Петро-Александровскъ, на Аму-Дарьѣ, а для этого надо было перевалить чрезъ песчаную пустыню Кизыль-Кумы. Какъ весь хивинскій оазисъ, такъ и наши владѣнія въ немъ, составляющія такъ-называемый «Аму-Дарьинскій отдѣлъ», окружены бесплодными и безводными степями. Въ 1886 году, во время моей поѣздки, когда только начали строить Закаспійскую желѣзную дорогу, проникнуть въ этотъ оазисъ можно было только на «корабляхъ пустыни», то-есть, на верблюдахъ, и наиболѣе проторенной дорогой считалась та самая, по которой я долженъ былъ ѣхать. Въ Казалинскѣ отыскалась попутчица, простая женщина, пожилая казачка, направлявшаяся къ своему мужу въ Петро-Александровскъ, и мы стали собираться вдвоемъ. Всего 500 верстъ считаютъ до укрѣпленія, но чтобы добраться туда, приходится снаряжаться въ томъ же родѣ, какъ снаряжаются далекія экспедиціи, отправляющіяся въ безлюдныя и безводныя пустыни Монголіи или Тибета. Это нисколько не покажется удивительнымъ, если припомнить, что Кизыль-Кумы представляютъ изъ себя типичную среднеазиатскую песчаную пустыню. На всемъ 500-верстномъ разстояніи отъ Казалинска до Петро-Александровска не существуетъ никакого осѣдлаго населенія. Зимой въ пескахъ кочуютъ киргизы, но лѣтомъ они уходятъ въ горы и Кизыль-Кумы совершенно пустѣютъ. Нечего прибавлять, что здѣсь нѣтъ даже подобія почтоваго тракта. Путешественникъ принужденъ нанимать верблюдовъ и ѣхать на однихъ и тѣхъ же животныхъ безсмѣнно всѣ 500 верстъ, а такъ какъ «корабли пустыни» не отличаются быстроходностью, то онъ долженъ благодарить судьбу, если ему удастся тащиться по 40—50 верстъ въ сутки, т.-е., если весь переходъ онъ совершитъ въ 10—12 дней. На все это время ему необходимо взять съ собой запасъ провизіи, такъ какъ во всей степи, особенно лѣтомъ, мудрено найти хотя бы кусочекъ хлѣба уже по одному тому, что тамъ нѣтъ и людей. Иногда, правда, гдѣ-нибудь у колодца, среди пустыни случается встрѣтить обнищавшую киргизскую семью, но здѣсь нечѣмъ поживиться: киргизы сами попросятъ у васъ сухарей.

Этимъ, однако, еще не кончаются хлопоты по снаряженію. Среднеазиатскія пустыни, въ особенности лѣссовыя (глинистыя), потому

и пустыни, что онѣ безводны. Стоитъ оросить самую бесплодную глинистую степь Туркестана, и она можетъ превратиться въ цвѣтущій оазисъ. Въ лѣтнее время на всемъ протяженіи отъ Каза-линска до Петро-Александровска въ Кызыль-Кумахъ можно встрѣ-тить одну-двѣ лужи, Богъ знаетъ, почему не успѣвшія высохнуть подъ палящими лучами солнца.

Воду берутъ здѣсь изъ колодцевъ, очень немногочисленныхъ и расположенныхъ другъ отъ друга на разстояніи двухъ дней пути, поэтому путешественникъ долженъ возить съ собой запасы воды, по крайней мѣрѣ, на двое сутокъ.

Вотъ такія-то условія приходилось намъ имѣть въ виду, снаряжаясь въ дорогу.

Бдущіе въ Петро-Александровскѣ перебираются чрезъ Кызыль-Кумы обыкновенно въ простой русской телѣгѣ, запряженной трой-кой верблюдовъ. Верблюдовъ можно нанять у киргизъ, а телѣгу приходится покупать; на базарѣ въ Казалинскѣ всегда найдется продажная. Простая телѣга безъ шинъ, съ широкими ободами ко-лесъ—единственный русскій экипажъ, который въ состояніи вы-держатъ 500-верстный переѣздъ по песчаной пустынѣ. Почтовые тарантасы и коляски слишкомъ вязнуть въ сыпучемъ пескѣ, а лѣ-томъ, подъ палящими лучами солнца, они еще разсыхаются, колеса разсыпаются и путешественникъ можетъ остаться среди безлюд-ной степи при однихъ верблюдахъ. Правда, такія казіи случаются и съ телѣгами; поэтому многіе предпочитаютъ ѣхать верхомъ на верблюдѣ, или въ особой корзинкѣ, подвѣшиваемой сбоку горба. Этотъ способъ имѣетъ, во-первыхъ, то преимущество, что верховые вычныя верблюды идутъ скорѣе, нежели запряженные въ эки-пажъ, а, во-вторыхъ, путешественникъ не рискуетъ сѣсть на мель среди степи, развѣ только околѣютъ его «корабли пустыни». Одна-ко, надо не мало мужества, чтобы рѣшиться на 12-дневное ка-чаніе на верблюжьей спинѣ, поэтому мы порѣшили купить себѣ телѣгу съ парой запасныхъ колесъ.

Для защиты отъ солнца мы построили на ней нѣчто вродѣ бесѣдки. Долго думали мы съ Дарьей Сидоровной—такъ звали мою попутчицу—какой бы провизіи взять въ дорогу. Основной про-довольственный матеріалъ должны были составлять сухари, т.-е. ломти черного и бѣлаго хлѣба, высушенные въ печкѣ; затѣмъ, конечно, внесли мы въ списокъ чай и сахаръ, но дальше наши хозяйственные проекты по части заготовки съѣстныхъ припа-совъ разбивались о разныя непреодолимые препятствія. Въ са-момъ дѣлѣ, какой провизіи можно взять на 12 дней пути по рас-каленной пустынѣ? Мясо, даже круто посоленное, портится при

туркестанскихъ жарахъ уже на слѣдующій день. Никакихъ консервовъ въ Казалинскѣ не продаютъ, если не считать сардинъ и окаменѣлой московской колбасы, болѣе похожей на киргизскую нагайку изъ верблюжьей кожи, нежели на пищевую продуктъ. Положимъ, если бы мы даже рѣшились на подвигъ жевать эти нагайки, то не угодно ли, среди лѣта, въ безводной пустынѣ, гдѣ и безъ того пить хочется больше, чѣмъ гдѣ-нибудь, питаться въ теченіе 12 дней колбасой, на которой соль бѣлыми пятнами проступаетъ наружу. Одинъ добрый человѣкъ, котораго мы потомъ поминали далеко не добрымъ словомъ, посоветовалъ намъ взять съ собой баранины, сушеной по киргизскому способу. Представьте себѣ половину бараньей туши, круто посоленную и провяленную на солнцѣ цѣликомъ вмѣстѣ съ жиромъ, и вы получите понятіе объ этомъ киргизскомъ «пеммиканѣ». Видъ такого мяса возбуждаетъ большія сомнѣнія на счетъ его съѣдобности, но нашъ добрый знакомый, ссылаясь на собственный опытъ, такъ убѣдительно описывалъ необыкновенныя достоинства этой баранины, что мы подумали, погадали и рѣшили взять: во-первыхъ, дешево и сердито, а во-вторыхъ, «на безрыбьѣ и ракъ рыба». Для воды мы взяли деревянную флягу, вмѣстимостью не болѣе ведра. Верблюды, въ качествѣ «кораблей пустыни», обязаны были не пить отъ колодца до колодца и, какъ впоследствии оказалось, по этой части вполне оправдали свою славу. Что касается двухъ киргизъ, нашихъ проводниковъ, то они должны были сами заботиться о себѣ, имѣть свою провизію и собственные запасы воды. Послѣ долгихъ сборовъ, 10-го іюня мы рѣшили, наконецъ, выѣхать. Верблюды, повидимому, оскорбленные въ своемъ достоинствѣ вычпныхъ животныхъ какими-то хомутами, да оглоблями, сначала наотрѣзъ отказались идти: они упрямо качали своими облѣзлыми губастыми головами, пристяжные повернулись бокомъ къ передку телѣги и, въ отвѣтъ на удары палкой, подняли такой раздражающій уши крикъ, какъ будто съ полсотни намазанныхъ телѣгъ закрипѣли вдругъ разомъ. Пришлось каждому изъ нихъ вести за веревку, продѣтую въ носу, и, наконецъ, послѣ многочисленныхъ остановокъ, дѣло кое-какъ наладилось, и мы черепашиимъ шагомъ поплелись къ перевозу чрезъ Сырь-Дарью. По ту сторону рѣки дорога сначала идетъ глинисто-солонцеватой степью, почти лишенной всякой растительности. Пройдя всего около 15 верстъ, мы остановились у прѣсной лужи съ громкимъ именемъ озера—Джуванъ-куль. Здѣсь мы и заночевали. На другой день, съ разсвѣтомъ, наполнивъ нашу флягу водой, мы тронулись дальше, и въ этотъ же первый полный день, проведенный въ дорогѣ, мы вполне познакомились, что значитъ путешествовать въ пустынѣ. На привалѣ Дарья Сидоровна

съ расторопностью опытной и къ тому же голодной хозяйки принялась варить супъ изъ сушеной баранины. Уже подозрительная пѣна и неприятный запахъ, испускаемый закипавшей водой, не предвѣщали ничего добраго. Когда же мясо уварилось, и мы съ нѣкоторымъ опасеніемъ рѣшились было попробовать супъ, то съ ужасомъ убѣдились въ полной невозможности сдѣлать хотя бы одинъ глотокъ. Наша похлебка была просто ужасна. Запахъ ея состоялъ изъ отвратительной смѣси запаховъ падали и сальной свѣчки, вкусъ ея былъ нестерпимо горько-соленый. Очевидно, мясо было просолено не чистой солью, а солончакомъ, тѣмъ самымъ солончакомъ, который бѣлымъ налѣтомъ покрываетъ берега степныхъ соленыхъ озеръ въ Туркестанѣ. Даже неприхотливые киргизы, которымъ мы предложили по куску варенаго мяса, пожевавъ немного, поморщились и проговоривъ «яманъ» (скверно), бросили куски въ песокъ.

Изъ этого мы заключили, что намъ просто-на-просто попалась особенно скверно приготовленная баранина. Вѣроятно, она все-таки бываетъ настолько съѣдобной, что по крайней мѣрѣ киргизы не отказываются отъ нея, иначе зачѣмъ бы ее продавать на базарѣ. Однако, это разсужденіе было нисколько не утѣшительно, такъ какъ кромѣ сухарей, чаю и сахару у насъ не оставалось никакой провизіи, а впереди предстояли 10—12 дней пути по безлюдной степи. Надо отдать справедливость стоицизму Дарьи Сидоровны: она и не подумала о возвращеніи въ Казалинскъ. Привыкнувъ къ обиходу простой казачки, она даже не обратила особаго вниманія на приключеніе съ бараниной. Я, хотя и съ ужасомъ подумывалъ о перспективѣ питаться сухарями въ теченіе 10 дней, но чтобы не спасовать передъ женщиной, правда, простой и неизмѣненной по все-таки представительницей слабаго пола, дѣлалъ видъ, что и меня эта неудача мало беспокоитъ. Впрочемъ, видимой бодрости моего духа много способствовала тайная надежда на охоту. Пороху и дрови у меня было довольно, а въ случаѣ недостатка настоящей дичи можно было приняться за жаворонковъ, сорокопутовъ и другихъ мелкихъ птицъ: все-таки пища. Слѣдующіе дни я обыкновенно шелъ впереди верблюдовъ; авось, думаю, выпугну дичь, но мои ожиданія почти всегда оказывались тщетными. Въ теченіе трехъ дней я побезпокоилъ только одного зайца, да и въ тогѣ промахнулся. На бѣду не попадалось и никакихъ мелкихъ птицъ, за исключеніемъ крошечныхъ степныхъ жаворонковъ, да изъ тѣхъ мнѣ посчастливилось застрѣлить только пару, къ тому же они были до такой степени малы, что я рѣшительно не зналъ, что съ ними дѣлать. Хозяйственная сметливость Дарьи Сидоровны раз-

рѣшилась наконецъ изобрѣтеніемъ удивительнаго блюда, которое навѣрно не приготовлялъ никто ни раньше того, ни впоследствии. Изъ сухарныхъ крошекъ она задумала варить нѣчто въ родѣ каши. Это была блестящая идея, но дальнѣйшимъ своимъ развитіемъ она обязана никому иному, какъ мнѣ. Я предложилъ положить въ кашу сахару и прибавить клюквеннаго экстракта, взятаго для подкисленія солоноватой и затхлой колодезной воды. Признаться, меня брало большое искушеніе положить въ кушанье еще двухъ жаворонковъ, что мнѣ казалось очень полезнымъ въ отношеніи питательности, но Дарья Сидоровна рѣшительно воспротивилась этому послѣднему предложенію. Сахаръ и экстрактъ все-таки положили, и получилось ни съ чѣмъ несравнимое блюдо; однако, это не помѣшало намъ съѣсть его до послѣдней крупинки. По мѣрѣ того, какъ мы углублялись внутрь степи, передъ нами постепенно развертывалась величавая картина песчаной пустыни. Уже на второмъ переходѣ стали попадаться отдѣльные песчаные холмы; чѣмъ дальше вглубь, тѣмъ больше ихъ было; наконецъ, начались сплошные пески, кое-гдѣ только прерываемые небольшими площадками солонцеватой глины, или *такырами*. На сотни верстъ протяженія, какъ застывшія волны, стоятъ холмы сыпучаго песку; какъ волны, своими крутыми склонами всѣ они смотрятъ въ одну сторону и, какъ гребни волнъ въ сильную бурю, вершины ихъ срываются и уносятся вѣтромъ. Уже при слабомъ движеніи воздуха острые гребни бархановъ начинаютъ какъ бы дымиться: то песокъ, сдуваемый съ вершины, пересыпается съ навѣтреннаго бока на подвѣтренный. Слой за слоемъ переползаетъ песокъ съ одной стороны на другую, вмѣстѣ съ тѣмъ медленно и неудержимо ползетъ и весь холмъ, засыпая на пути кусты, такыры и все, что стоитъ ему поперекъ дороги. Чѣмъ сильнѣе раздувается вѣтеръ, тѣмъ больше начинаютъ дымиться вершины бархановъ; въ бурю уже не видать границы, гдѣ кончается гребень холма и гдѣ начинается струя летящаго песку. Воздухъ наполняется пескомъ, становится душно, темно. Путешественникъ, какъ въ густомъ туманѣ, видитъ неясныя очертанія только ближайшихъ холмовъ, а дальше все сливается въ одну сплошную желтую массу летящаго песку. Настоящій песчаный душъ обдаетъ путника, застигнутаго бурей въ Кызыль-Кумахъ. Песокъ набивается въ уши, въ глаза, хруститъ на зубахъ; съ поразительной быстротой засыпаетъ онъ всѣ преграды, которыя попадаютъ ему на пути, угрожая и людямъ, и верблюдамъ. Въ такую погоду, если нѣтъ по близости большого такыра, надо идти во что бы то ни стало, иначе путешественникъ рискуетъ быть засыпаннымъ. Въ одну изъ подобныхъ бурь, пока мы поили у ко-

лодпа верблюдовъ, наша телѣга была засыпана выше ступицъ колесъ, и намъ пришлось отрывать ее, чтобы сдвинуться съ мѣста. По окончаніи бури—это бываетъ обыкновенно къ вечеру—пустыня принимаетъ свой прежній видъ: все тѣ же песчаные, слабо дымящіеся на верхушкахъ, барханы; все тѣ же выбоины между ними, но только тамъ, гдѣ была яма, теперь стоитъ огромный бугоръ сыпучаго песку, и наоборотъ. Если бы не кустарникъ, мѣстами растущій на склонахъ бархановъ, едва ли Кызыль-Кумы были бы проходимы во время сильнаго вѣтра. Кусты скрѣпляютъ своими корнями песокъ и до нѣкоторой степени задерживаютъ его движеніе. Было бы большою ошибкой думать, что песчанья пустыни лишены всякой растительности; наоборотъ, изъ среднеазиатскихъ пустынь, именно песчанья отличаются сравнительно богатой и чрезвычайно оригинальной флорой.

Склоны многихъ холмовъ покрыты, правда, очень рѣдкимъ, но довольно высокимъ кустарникомъ, иногда въ человѣческой ростъ, а мѣстами въ Кызыль-Кумахъ попадаются настоящіе лѣса; но что это за лѣса и что это за кустарники! Ничего подобнаго у насъ въ Европейской Россіи не существуетъ, и ни съ какими образцами нашей растительности нельзя сравнивать здѣшнюю флору, до того она своеобразна. Прежде всего здѣсь нѣтъ травы, той травы, которая зеленымъ ковромъ покрываетъ у насъ пространство между отдѣльными деревьями и кустами. Здѣсь въ этихъ промежуткахъ—голый сыпучій песокъ, постоянно сдуваемый вѣтромъ и постоянно наносимый снова. Да и самые листья кызыль-кумскихъ кустовъ и деревьевъ не имѣютъ зеленаго цвѣта нашихъ растений: они сѣры или зеленовато-сѣры, къ тому же чрезвычайно мелки, расположены рѣдко и не даютъ сплошной тѣни. Лучи солнца насквозь пронизываютъ самый густой кустъ, или самое развѣсистое дерево, и накаляютъ обнаженный песокъ; поэтому въ здѣшнихъ лѣсахъ такъ же жарко, какъ и на голыхъ холмахъ, но еще болѣе дупно. Уже самый фактъ существованія сравнительно богатой флоры въ безводной пустынѣ заслуживаетъ вниманія. Въ самомъ дѣлѣ, въ теплое время года въ Кызыль-Кумахъ по цѣлымъ мѣсяцамъ не выпадаетъ ни единой капли дождя. Лѣтомъ небо только изрѣдка покрывается тучами; хотя и бываетъ, что онѣ разражаются легкимъ дождемъ, но капли воды испаряются раньше, чѣмъ достигаютъ раскаленной земли; не выпадаетъ въ Кызыль-Кумахъ и росы. Повидимому, здѣсь немисливо существованіе даже самой скудной растительности, между тѣмъ на холмахъ сыпучаго песку мы видимъ, и кусты, и деревья. Этотъ удивительный фактъ легко объяснится, если попытаться выкопать хотя бы одинъ кустъ съ

корнемъ. Прежде всего при такой попыткѣ мы скоро убѣдимся, что одному на это не хватитъ ни силъ, ни терпѣнія, какъ ни легко разрывать рыхлый песокъ. Корни кизылъ-кумскихъ растений проникаютъ на чудовищную глубину; они прободаютъ всю толщу песчаного слоя, лежащаго на глинистой, непроницаемой для воды, подпочвѣ. Только тамъ на этой глинѣ, подъ защитой мощнаго песчаного слоя, все лѣто сохраняется влага, накапливающаяся весной во время таянія снѣга. Весьма понятно, почему въ Кизылъ-Кумахъ нѣтъ мелкой травы: она просто не въ силахъ отроснуть себѣ такихъ гигантскихъ корней, какіе необходимы для жизни въ песчаной пустынѣ. Понятна также и та скупость, съ какой здѣшнія растенія расходуютъ добытую съ такими усиліями влагу.

Весь кустъ или все дерево, начиная съ цвѣтовъ и кончая стволомъ, все до мельчайшихъ подробностей приспособлено къ тому, чтобы, по возможности, уменьшить потребность во влагѣ и чтобы успѣшнѣе бороться противъ губительнаго дѣйствія горячаго солнца и сухого воздуха. вмѣсто сочныхъ стволовъ нашихъ растений, кизылъ-кумскіе кусты и деревья имѣютъ твердую и сухую, какъ камень, древесину. У мѣстнаго дерева саксаула стволъ настолько крѣпокъ, что не поддается топору; зато онъ хрупокъ, какъ кремль, и настолько сухъ, что даже только-что сломанная, совершенно свѣжая вѣтка горитъ, какъ сухой хворостъ. Листья здѣшнихъ растений всегда мелки, у однихъ они жестки и колючи, у другихъ, наоборотъ, очень мясисты, какъ кактусъ, но въ такомъ случаѣ поверхность ихъ покрыта густымъ бѣлымъ пушкомъ, защищающимъ листъ отъ палящихъ лучей солнца. Странное впечатлѣніе производитъ саксауловый лѣсъ. Въ немъ нѣтъ ни прохлады, ни тѣни, поэтому онъ нисколько не радуется путника; напротивъ, даже какую-то тоску нагоняетъ онъ своимъ мертвеннымъ видомъ. Не слышно въ немъ пѣнія птицъ, не стрекочатъ кузнечики, даже шума листвы вы не услышите здѣсь, потому что и листьявъ настоящихъ въ немъ нѣтъ; вмѣсто нихъ какіе-то зеленовато-сѣрые бугорки, какъ сыпь, покрывающіе вѣтви. Какъ заколдованный, молчитъ саксауловый лѣсъ; только въ сильный вѣтеръ слышится въ немъ скрипъ вѣтвей и шорохъ песку, ударяющаго въ корявые стволы деревьевъ.

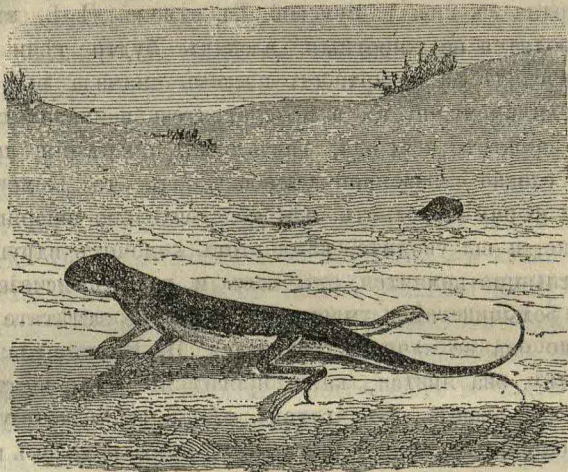
Натуралистъ Аленицынъ очень удачно подмѣтилъ, что Дантъ, говоря о растительности своего ада, какъ будто описываетъ саксаулъ. «Зеленыхъ листьевъ здѣсь нѣтъ, а какіе-то темные сумрачные; нѣтъ широкихъ раскидистыхъ вѣтвей, а какіе-то узловатые, корявые, свившіеся между собой сучья; нѣтъ плодовъ, а какія-то ядовитыя иглы».

Такъ говорить Дантъ, и все это описаніе, за исключеніемъ ядовитости, цѣликомъ примѣнимо и къ сакауловому лѣсу.

Если Дантовъ адъ имѣеть собственную фауну, то, навѣрно, она однородна съ кизыль-кумской. Въ самомъ дѣлѣ, въ здѣшней пустынѣ водятся не животныя, а какъ будто тѣни ихъ. При бѣгломъ взглядѣ на поверхность песковъ сначала вы не видите ничего; повидимому, пусто, а присмотритесь внимательнѣе, тамъ и здѣсь вы замѣтите неясныя, какъ тѣнь, очертанія какъ будто ящерицы, словно слѣпленной изъ песку. Что это? Комочекъ песку, принявшій форму животнаго, или дѣйствительно ящерица? Подойдите ближе, и вы увидите, какъ этотъ комочекъ вдругъ встрепенется, неслышно помчится отъ васъ и вдругъ исчезнетъ, какъ тѣнь. Въ большинствѣ случаевъ вы даже не замѣтите ящерицы, если только она не начнетъ двигаться. На вашихъ глазахъ, среди голаго песку, она явится, какъ привидѣніе, мелькнетъ и, какъ привидѣніе исчезнетъ. Въ другомъ мѣстѣ вы можете увидѣть комочекъ, похожій на птицу; шагните къ нему, комочекъ вспорхнетъ и превратится въ жаворонка. Вотъ онъ сѣлъ на голый песокъ и исчезъ, какъ видѣніе. Эти таинственные появленія и исчезновенія очень просто объясняются тѣмъ, что большинство животныхъ песчаныхъ пустынь окрашены до поразительности точно подъ цвѣтъ песку. Какія же, однако, это животныя, кромѣ упомянутыхъ... а вотъ какія: ящерицы, ящерицы и опять ящерицы. Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь настоящее царство этихъ длиннохвостыхъ юркихъ гадовъ. Всѣ остальные обитатели степи—суслики, зайцы, жаворонки и еще кое-какія птицы составляютъ только едва замѣтное прибавленіе къ этому царству. Ящерицы сотнями снуютъ по голымъ склонамъ песчаныхъ бархановъ; тутъ и крошечныя, и большія, въ полъ-аршина длиной, съ круглой головой, съ трехъугольной, съ ушами и безъ ушей, словомъ, разныя, но только всѣ, какъ одна, песчаного цвѣта. Ихъ кожа до такой степени совершенная поддѣлка подъ песокъ, что даже онѣ сами не могли бы видѣть другъ друга, если бы предусмотрительная природа не надѣлила ихъ особымъ приспособленіемъ. На нижней сторонѣ хвоста, на самомъ кончикѣ, у нихъ накрашены широкія ярко красныя и черныя поперечныя полосы, очень рѣзко выдающіяся среди желтоватаго колорита песку, когда животное подниметъ хвостъ кверху и начнетъ выдѣлывать имъ замысловатыя штуки.

Вотъ по этимъ-то сигнальнымъ звачкамъ ящерицы и отыскиваютъ своихъ родныхъ и знакомыхъ. Мѣстами, гдѣ этихъ животныхъ особенно много, наблюдатель видитъ любопытную картину. Тамъ и здѣсь на голомъ склонѣ песчаного бархана, словно флаги

на военной картѣ, пестрѣютъ яркіе значки. Они завиваются въ спираль, опять раскручиваются, мѣстами бѣгутъ по песку, кое-гдѣ

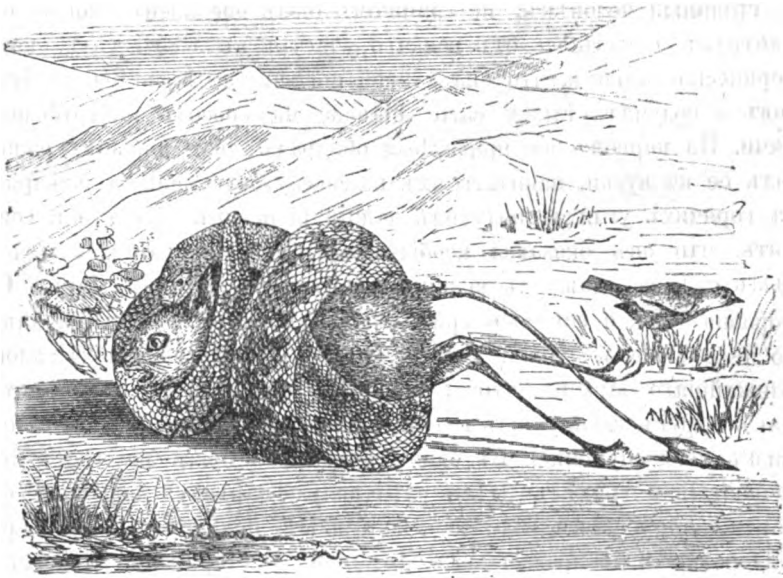
Песочная круглолозка. (*Phrynoscephalus interscapularis* Licht).

исчезаютъ и снова появляются, блестя своимъ пурпуромъ на желтомъ фонѣ холма. Подойдя только очень близко, вы видите, что эти значки ни что иное, какъ закорюченные хвостики ящерицъ, песочно-желтое тѣло которыхъ издали совершенно невидимо на пескѣ. При первомъ переполохѣ шустрья животныя опускаютъ хвосты, и флаги исчезаютъ безслѣдно. Любопытно также видѣть, какъ ловко умѣютъ эти ящерки спасаться отъ своихъ заклятыхъ враговъ—степныхъ хищныхъ птицъ. Попытайтесь догнать одну изъ этихъ невидимокъ; сначала она побѣжитъ безъ оглядки, затѣмъ, когда убѣдится, что опасность у нея на хвостѣ, быстрыми движеніями брюшка вправо и влѣво она раздвигаетъ песокъ и на вашихъ глазахъ тонетъ въ немъ, забрасывая тѣло лапами. На ея мѣстѣ остается едва замѣтная песчаная рябь. Эта уловка, прекрасно спасающая отъ преслѣдованія птицъ, не рассчитана, однако, на натуралиста. Вамъ стоитъ только запустить два пальца въ то мѣсто, гдѣ остался этотъ слѣдъ, и вы извлекаете на Божій свѣтъ ящерицу. На ея хорошенькой круглой мордочкѣ, въ черныхъ бойкихъ глазахъ, вы ясно читаете удивленіе. Вотъ такъ штука!—навѣрно, думаетъ она.—Какъ же могло это случиться, кажется, ужъ вся зарылась!

Я особенно старательно отыскивалъ *ичкемера* *), этого вели-

*) *Varanus caspius*.

кана среди ящерицъ, достигающаго до двухъ аршинъ въ длину. Весьма понятна ошибка русскихъ жителей Туркестана, считающихъ ичкенера за крокодила. Если это не крокодилъ, то, во всякомъ случаѣ, и не ящерица, а ужъ, по крайней мѣрѣ, ящеръ. Къ сожалѣнiю, на пути намъ не попадалось это замѣчательное животное; по словамъ киргизъ, нашихъ проводниковъ, оно водится нѣсколько южнѣе, около степныхъ горъ Букавъ-тау. Изъ другихъ гадовъ мы нерѣдко встрѣчали неуклюжихъ степныхъ черепахъ и различныхъ змѣй. Степной удавъ среди этихъ послѣднихъ, кажется, самая замѣчательная змѣйка. Какъ же такъ? — спросите вы,—удавъ, и вдругъ змѣйка. Да, змѣйка, потому что онъ всего около полуаршина въ длину. Не смотря на лилипутскiе размѣры, онъ имѣетъ всѣ повадки своихъ гигантскихъ родственниковъ. Онъ такъ же неподвижно караулитъ свою добычу, мышей и тушканчиковъ, такъ же давить ее изгибами своего тѣла и, проглотивъ зѣбрька втрое толще себя, отправляется въ укромное мѣсто заниматься пищеваренiемъ.

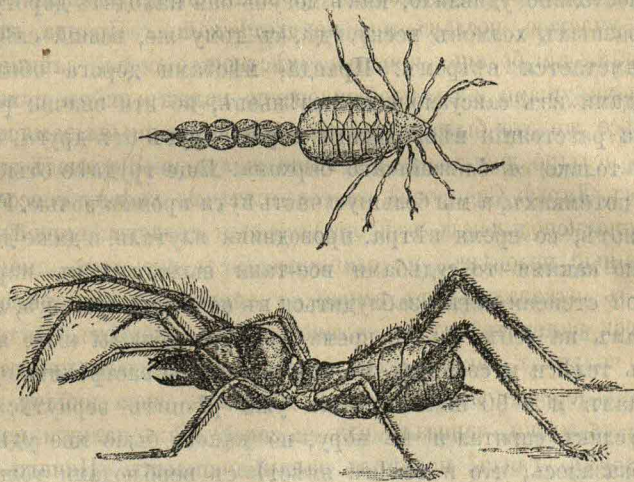

Степной удавъ. (*Eguch jaculus* L.).

На 4-й день мы подошли къ такъ-называемой станціи. Это хорошенькій кирпичный домикъ, который какъ-то странно видѣть среди безлюдной песчаной пустыни. На всемъ 500-верстномъ разстоянiи такихъ станцій поставлено всего три. Повидимому, онѣ выстроены только для того, чтобы дать возможность путешествен-

нику обогрѣться зимой, или укрыться отъ песчаной бури, если она застигнетъ гдѣ-нибудь по близости. Никакого другого значенія онѣ имѣть не могутъ, если не считать того обстоятельства, что у сторожа станціи можно получить казенный самоваръ. Первую станцію караулить одинъ единственный киргизъ, у котораго, кромѣ муки, нѣтъ никакой провизіи; нѣтъ здѣсь ни верблюдовъ, ни телѣгъ, нѣтъ даже колесъ, а они могли бы очень пригодиться проѣзжающему въ случаѣ поломки своихъ. Мы даже не воспользовались самоваромъ; напоивъ здѣсь верблюдовъ и захвативъ запасъ воды, мы тронулись дальше. Только на 5-й день судьба, наконецъ, сжалилась надъ нашей, по крайней мѣрѣ, надъ моей голодной участію, пославъ мнѣ на охотѣ зайца. Правда, это былъ маленькій, не больше кролика, мѣстной породы, зайчишка, съ огромными ушами и съ необыкновенно поджарымъ и сухимъ тѣломъ; все же это была дичь, въ немъ все-таки было мясо, о которомъ четыре дня тосковали наши желудки. Я тотчасъ же обратился къ Дарѣ Сидоровнѣ за совѣтомъ, по какому способу было бы лучше использовать всѣ питательныя свойства нашей добычи и, грѣшный человекъ, не слишкомъ былъ опечаленъ, когда она наотрѣзъ отказалась отъ всякаго участія въ этомъ дѣлѣ, категорически заявивъ, что она «такой погани» не ѣсть. Съ ея отказомъ я получалъ также *carte blanche* на способъ приготовленія дичи. На первомъ же привалѣ я ободралъ свою добычу, разрѣзалъ ее на куски, нанизалъ ихъ на саксауловую палку и, изжаривъ на горячихъ угляхъ, получилъ заячій шашлыкъ. Нечего и говорить, что онъ оказался необычайно вкусно приготовленнымъ и былъ съѣденъ даже съ мелкими косточками. Бѣдная Дарья Сидоровна такъ и осталась при однихъ сухаряхъ; вообще ей какъ-то не везло этотъ день. Только что я улегся на песчаномъ склонѣ ближайшаго бархана, чтобы отдохнуть послѣ возни съ зайцемъ, какъ вдругъ слышу, изъ телѣги доносится до меня пронзительный визгъ моей спутницы. Въ одинъ моментъ я былъ на мѣстѣ происшествія и увидѣлъ здѣсь слѣдующую картину: огромная фаланга, забравшаяся, вѣроятно, по оглоблѣ, ползла по платью Дарьи Сидоровны и добиралась уже до лица. Растерявшаяся казачка, поднявъ руки вверхъ, съ выраженіемъ ужаса въ глазахъ, кричала на всю пустыню. Взять первый попавшійся предметъ и убить ядовитую гадину на боку моей спутницы было дѣломъ одного мгновенія. Надо замѣтить, что такимъ образомъ мнѣ удалось избавить Дарью Сидоровну отъ серьезной опасности. Укушеніе фаланги чрезвычайно болѣзненно и, какъ говорятъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, при извѣстныхъ осложненіяхъ, даже смертельно. Эта га-

дина бѣгаетъ замѣчательно быстро. Вы не успѣете придти въ себя, какъ по ногѣ она взберется до лица, и Боже сохрани придавить ее здѣсь, непременно ужалить; лучше дать ей сползти на платье или смахнуть быстрымъ движеніемъ въ сторону. Значительно рѣже попадались намъ скорпионы, но на нихъ мы не обращали особаго вниманія; во-первыхъ, во виѣшнемъ видѣ ихъ нѣтъ ничего страшнаго: будучи пауками, они скорѣе походятъ на маленькаго рачка, а во-вторыхъ, по словамъ туркестанскихъ жителей, и жалать они не такъ больно и не съ такими неприятными послѣдствіями, какъ фаланги.

Скорпионъ и фаланга.

Долго еще послѣ этой исторіи не могла придти въ себя Дарья Сидоровна. Она проклинала и степь, и тотъ часъ, въ который ей пришла въ голову мысль ѣхать въ Петро-Александровскъ; досталось тутъ и мужу, и даже нашимъ киргизамъ, хотя ей же они хотѣли услужить, поднявъ оглобли кверху сейчасъ послѣ приключенія съ фалангой. Проводникамъ, пожалуй, даже досталось въ особенности сильно, и вообще на нихъ моя спутница вымещала все свое недовольство настоящимъ положеніемъ. Они были виноваты и въ томъ, что телѣга на крутыхъ склонахъ бархановъ кренилась очень сильно, и въ томъ, что песокъ засыпалъ глаза; разгнѣванная казачка не разъ ставила имъ на видъ и дурную воду въ колодцахъ. Словомъ, это были настоящіе «козлы отпущенія», но, къ довершенію негодованія моей спутницы, эти «козлы» ни слова не понимали по русски, а она ни слова по киргизски. Во время баталіи они съ удивленіемъ поглядывали на сердитую

женщину и изо всей ея тирады, обращенной по ихъ адресу, понимали только, что она на что-то гнѣвается. По временамъ они переводили глаза на меня, не объясню ли я, въ чемъ дѣло, но я обыкновенно сидѣлъ съ невозмутимымъ видомъ, сохраняя строгій нейтралитетъ, и только въ случаѣ, если исторія принимала слишкомъ комичный характеръ, раздражался хохотомъ; за мной начинали смѣяться и киргизы, а Дарья Сидоровна, недовольная и сконфуженная, прекращала свою брань.

Да, шибко доставалось отъ нея нашимъ проводникамъ, между тѣмъ это были преисправные ребята, видимо, знающіе свое дѣло. Меня постоянно удивляло, какъ могутъ они находить дорогу среди однообразныхъ холмовъ песку, гдѣ, къ тому же, всякій слѣдъ быстро заметается вѣтромъ. Правда, мѣстами дорога обозначена пирамидами изъ саксуаловыхъ полѣньевъ, но эти значки разставлены на разстояніи нѣсколькихъ верстъ другъ отъ друга, видимы же они только съ ближайшаго бархана. Еще труднѣе отыскивать ихъ въ потѣмкахъ, а мы большую часть пути прошли ночью. Раза два въ темнотѣ, во время вѣтра, проводники плутали, и даже довольно долго, но какими-то судьбами все-таки выходили къ пирамидѣ. До какой степени легко заблудиться въ песочной пустынѣ, я испыталъ самъ на себѣ. Въ то время, когда верблюды шли, я слѣзъ было съ телѣги и свернулъ въ сторону, чтобы застрѣлить суслика; не сдѣлавъ я и 50 шаговъ, какъ уже рѣшилъ вернуться, такъ какъ сусликъ спрятался въ нору, но каково было мое удивленіе, когда оказалось, что и телѣга вмѣстѣ съ верблюдами тоже спрятались. Я бѣгомъ пустился въ томъ направленіи, гдѣ они должны были быть, влѣзъ на холмъ и увидѣлъ все тѣ же барханы, кое-гдѣ поросшіе кустами. Телѣга словно провалилась сквозь землю; она шла гдѣ-нибудь по близости, можетъ быть, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня, но она скрыта была этими застывшими песчаными волнами. Верблюды совершенно неслышно ступаютъ даже по твердому грунту, на бѣду и колеса телѣги были только что смазаны, такъ что и по звуку нельзя было опредѣлить, гдѣ находятся мои спутники. Долго я метался отъ бархана къ бархану, хотѣлъ уже было кричать, какъ вдругъ одинъ изъ нашихъ «кораблей пустыни» догадался заскрипѣть.

На 7-й день, рано утромъ, едва только небо начало блѣднѣть на востокѣ, еще утренняя звѣзда горѣла брилліантовымъ блескомъ, мы подошли къ прѣсной лужѣ, неисповѣдимыми судьбами уцѣлѣвшей среди раскаляемыхъ солнцемъ сыпучихъ песковъ. Въ среднеазіатской пустынѣ прѣсная вода на столько драгоценна, что каждый малѣйшій источникъ ея составляетъ замѣтный пунктъ въ

географіи страны. Здѣсь прекрещиваются караванные пути, здѣсь же кочуютъ киргизы со своими кормильцами баранами, и даже дикія птицы, которыя тоже хотятъ пить. Жаворонки, степные рябки и горлинки—ютятся по близости этихъ источниковъ жизни. Не смотря на то, что лужа, гдѣ мы остановились, была не больше и не глубже тѣхъ лужъ, которыя въ провинціальныхъ городахъ послѣ ливня появляются на всякой площади, но она имѣла собственное названіе и величалась даже озеромъ: Кукчъ-кулы. Чтобы составить представленіе о томъ, какова вода въ этомъ озерѣ, надо въ стаканъ чистой воды насыпать столовую ложку песку. Впрочемъ, эта жидкая грязь много лучше соленой ящеричной настойки здѣшнихъ колодцевъ: во-первыхъ, она совершенно прѣснаго вкуса, а во-вторыхъ, песокъ скоро отстаивается. Въ кизыль-кумскихъ колодцахъ вода на столько дурна, что если бы она была хоть чуточку похуже, ея не сталъ бы пить ни одинъ киргизъ. Края ихъ по большей части не ограждены никакимъ барьеромъ, поэтому ящерицы и черепахи могутъ топиться тамъ, сколько имъ угодно, и это онѣ продѣлываютъ тѣмъ охотнѣе, что здѣсь имъ слишкомъ тѣсно; очень ужъ много развелось ихъ въ песочной степи. Отъ такой примѣси вода, конечно, не много выигрываетъ; она становится затхлой, мѣстами даже прямо съ запахомъ гнили, къ тому же она всегда солоновата и жестка на вкусъ...

Надо видѣть, какое оживленіе вноситъ небольшая прѣсная лужа въ природу пустыни. По берегамъ Кукчъ-кула во множествѣ бѣгали степные жаворонки; мѣстами сидѣли и пили воду горлицы, Богъ знаетъ, зачѣмъ поселившіяся въ степи; тутъ же выхаживалъ одинъ воронъ; нѣсколько красивыхъ пестрыхъ пчелоѣдовъ носились надъ лужей и, лишь только показалось солнце, на озеро полетѣли степные рябки и саджи *). Стая за стаей съ громкимъ гиканьемъ летѣли эти истыя дѣти пустыни на лужу; со свистомъ они опускались около воды и начинали жадно пить. Не смотря на мою отчаянную пальбу прилетали новыя стаи и хотя бы урывкомъ пытались напиться. Бѣдныя, какъ имъ хотѣлось пить!.. Но мнѣ еще больше хотѣлось ѣсть. Они по крайней мѣрѣ пили вчера, а я уже третій день, съ самаго зайца, ничего не ѣлъ, кромѣ сухарей, а сухари развѣ пища? Понятно, что я палилъ направо и налево, но, какъ всегда, попадалъ больше въ широкое небо, въ которое, какъ извѣстно, трудно промахнуться; однако, я убилъ все-таки четырехъ рябковъ и, зарядивъ ружье, собирался еще разъ поку-

*) Рябокъ—*Pterocles arenarius*; саджа—*Syrnhartes paradoxus*. Обѣ птицы представляютъ изъ себя нѣчто среднее между куропаткой и голубемъ, но только съ песочно-желтыми въ пятнахъ перьями спины.

ситься на жизнь мчавшихся съ быстротой стрѣлы птицъ, какъ вдругъ изъ тѣлѣги донесся до меня отчаянный крикъ Дарьи Сидоровны. Судя по этому визгу на всю пустыню, я рѣшилъ, что по крайней мѣрѣ десять фалангъ одновременно влѣзли на мою спутницу. Я бросилъ стрѣлять и побѣждалъ спасать ее. Между тѣмъ, крикъ продолжался, на время онъ замиралъ, но потомъ снова раздавался съ удвоенной силой. Прибѣжавъ на мѣсто происшествія, я увидѣлъ слѣдующую картину: въ одномъ углу тѣлѣги бѣгала небольшая ящерица, очевидно удравшая изъ моей коробки; въ противоположномъ углу, прижавшись къ самой стѣнкѣ нашей какоты, съ выраженіемъ ужаса въ лицѣ, сидѣла Дарья Сидоровна, сидѣла и кричала на всю степь, поднявъ руки кверху. Ящерица, видимо, больше всего напуганная этимъ крикомъ, металась изъ стороны въ сторону, отыскивая выходъ. Я схватилъ ея за хвостъ; она уцепилась за палецъ и, вырвавшись, соскочила на плечо моей спутницы. Тутъ визгъ достигъ такой небывалой высоты, что я, признаться и самъ растерялся, а еще больше перетрусилась ящерица. Навѣрно, она осталась бы сидѣть въ коробкѣ, если бы знала, какъ отнесется къ ея прогулкѣ по тѣлѣгѣ Дарья Сидоровна. Кое-какъ удалось изловить хвостатую любительницу свободы и водворить ее въ банку со спиртомъ. Тутъ же, пока я запералъ крышку ящичка, еще съ неостывшимъ волненіемъ въ крови и съ дрожаніемъ въ голосѣ, предъявила мнѣ моя спутница свой ультиматумъ. Впредь я обязывался всѣхъ ящерицъ, и другихъ подобныхъ «гнусовъ», коихъ мнѣ придется поймать, немедленно сажать въ спиртъ, а отнюдь не держать живьемъ въ коробкахъ. Надо ли говорить, что я принялъ этотъ ультиматумъ, хотя онъ и былъ для меня довольно стѣснительнъ. Въ самомъ дѣлѣ, не угодно ли для каждаго «гнуса» всякій разъ вытаскивать большой деревянный ящичекъ, скорѣе—сундукъ, съ банкой.

Пока шла война съ ящерицей, степные рябки напились и, конечно, улетѣли по своимъ дѣламъ, такъ что намъ пришлось довольствоваться только четырьмя птицами. Не смотря на раннее утро, мы тутъ же принялись варить ихъ. Хозяйственные хлопоты и перспектива поѣсть настоящаго супа и дичи помогли Дарьѣ Сидоровнѣ забыть только-что перенесенное потрясеніе. Лишь только мы принялись за похлебку, пользуясь минутой, я попытался было внести поправку въ нашъ договоръ, поправку въ томъ смыслѣ, чтобы мнѣ предоставлено было право сажать ящерицъ не въ бумажную коробку отъ табаку, какъ было прежде, а въ жестяной цилиндръ отъ монпансѣ. Съ хорошей крышкой—прибавилъ я, выразивъ при этомъ готовность опростать его отъ сахару, но

Дарья Сидоровна отвѣтила рѣшительнымъ отказомъ. Такъ какъ я не настаивалъ—гдѣ ужъ тутъ было настаивать—то инцидентъ былъ исчерпанъ, и мы, заложивъ верблюдовъ, поѣхали дальше.

8-й и 9-й дни дорога шла все также барханами и только изрѣдка выходила на такыры, ущѣлѣвшіе отъ поглощенія летучими песками. Съ утра верхушки холмовъ начинали куриться, къ полудню воздухъ наполнялся летящимъ пескомъ, а къ вечеру становилось опять тихо. Поэтому мы предпочитали идти по ночамъ, останавливаясь днемъ гдѣ-нибудь по срединѣ такыра, чтобы быть дальше отъ песчаныхъ душей. Ночные переѣзды были тѣмъ болѣе удобны, что дневной жаръ смѣнялся тогда большой свѣжестью: намъ приходилось даже надѣвать драповое пальто. Въ этомъ отношеніи Кызылъ-Кумы напоминаютъ Сахару, гдѣ иногда днемъ можно печь яйца въ раскаленномъ лучами солнца пескѣ, а ночью замерзаетъ вода. Вечеромъ девятаго дня мы подошли къ третьей и послѣдней станціи въ пустынѣ. До Петро-Александровска оставалось всего около 90 верстъ, и на станціи можно было видѣть нѣкоторые признаки близости человѣческаго поселенія, притомъ же русскаго. Прежде всего сторожемъ домика состоялъ русскій, отставной солдатъ. При станціи находилась и домашняя скотина въ видѣ двухъ тощихъ собакъ и одной такой же тощей кошки. Во всемъ остальномъ станція ничѣмъ не отличалась отъ двухъ прежнихъ, то-есть, ничего остального въ ней не было, если не считать казеннаго самовара. Не смотря на это, мы остались тутъ ночевать. Надо было видѣть то удовольствіе, съ какимъ Дарья Сидоровна встрѣтила эти первые признаки близости Петро-Александровска. Прежде всего она постаралась наверстать 9 дней потеряннаго времени, когда ей почти совсѣмъ не приходилось вести никакихъ разговоровъ, если не считать обличительныхъ рѣчей, направленныхъ противъ нашихъ проводниковъ. Словоохотливая отъ природы, она, видимо, очень страдала отъ невозможности вести бесѣду по душѣ; сначала она пыталась заводить разговоры со мной, но вся ея словоохотливость парализовалась моимъ непониманіемъ: я обыкновенно молчалъ, какъ пень; конечно, и она съ каждымъ днемъ говорила все меньше и меньше, и наконецъ прекратила всякія попытки расшевелить меня. Всѣ послѣдствія ея скуки должны были выносить на себѣ все тѣ же проводники. На счастье Дарьи Сидоровны, старикъ сторожъ находился не въ лучшихъ условіяхъ относительно возможности вести разговоры. Его постоянные собесѣдники были, пожалуй, еще менѣе пригодны для этой цѣли, нежели я. Это были двѣ собаки и кошка, единственныя живыя существа станціи, послѣ самого сторожа. Кошка была суха

какъ кошачья мумія египетскихъ катакомбъ, вѣроятно, станціонный домикъ не оживляли своимъ присутвіемъ ни крысы, ни мыши. Пока мы сидѣли за самоваромъ, Дарья Сидоровна съ упоеніемъ рассказывала, какъ мы голодали, какіе «окаянные» проводники, какъ они таили мысль убить ее и, непременно, убили бы, если бы она не ругала ихъ и не грозила имъ казацкой шашкой. Тутъ только я понялъ, за что моя спутница не влюбилась нашихъ киргизъ. Согласитесь, есть за что не влюбиться.

Подробно она описала случай съ фалангой, а еще подробнѣе рассказала о ящерицѣ. Послѣ полуночи я отправился спать въ свою телѣгу, и долго еще чрезъ растворенное окно доносились до меня отдѣльныя слова двухъ натосковавшихся по бесѣдамъ людей. Я спалъ такъ крѣпко, что не слышалъ, какъ станціонныя собаки, должно быть обѣ, вскочили въ телѣгу, разобрали мѣшокъ съ сухарями и вытащили ихъ на половину. Это приключеніе не опечалило даже и Дарью Сидоровну, судя по тому, что проводники, кромѣ обычной ежедневной порціи обличительныхъ рѣчей, никакой особой головомойки не получали. Въ самомъ дѣлѣ, до Петро-Александровска оставалось всего два дня пути, а бѣдныя собаки безъ нашихъ сухарей не вынче-завтра поколѣли бы съ голоду—до того онѣ были тощи.

Утромъ 11-го дня пути мы вошли наконецъ въ предѣлы Хивинскаго оазиса. Еще издали показались верхушки пирамидальныхъ тополей, выглядывавшихъ (изъ за голыхъ гребней песчаныхъ бархановъ. Скоро мы подошли къ садамъ и кишлакамъ *), которые узкой лентой на протяженіи верстъ 20 тянутся по берегу Аму-Дарьи до самаго Петро-Александровска. Надо видѣть средне-азіатскіе оазисы, чтобы вполне оцѣнить животворную силу воды. Вода здѣсь все. Почва, способы обработки ея и климатъ имѣютъ только второстепенное значеніе. Тамъ, гдѣ при помощи арыка изъ Аму-Дарьи удастся оросить землю, вы видите живописные сады съ виноградниками, фруктовыми деревьями, аллеями высокихъ тополей; или предъ вами разстилается пашня съ высокой джугарой**), хлопчатникомъ, пшеницей или кунжутомъ. На разстояніи полуаршина отъ орошенной земли начинается бесплодная пустыня съ ея песками и солонцами. Въ одномъ мѣстѣ я видѣлъ пшеницу, засѣянную между песчаными барханами; она росла даже на сыпучемъ пескѣ, хотя и не достигала здѣсь такого роста, какъ на глинѣ.

*) Кишлаками называютъ здѣсь отдѣльные сартовскіе домики при садѣ или при пашнѣ, стало быть, нѣчто въ родѣ хуторовъ.

**) Джугара, иначе сорго, есть родъ проса; отличается необыкновенной урожайностью.

Собственно говоря, и весь Хивинскій оазисъ представляетъ изъ себя только ту узкую полосу земли по обоимъ берегамъ Аму-Дарьи, куда удалось провести оросительные арыки. Правая сторона принадлежитъ Россіи, лѣвая составляетъ Хивинское ханство. Около полудня мы, наконецъ, добрались до Петро-Александровска. Дарья Сидоровна отыскала своего мужа, а я, бросивъ телегу въ первомъ попавшемся домѣ, куда меня пустили остановиться, подъ палящими лучами солнца, еще болѣе безпощадными на улицахъ укрѣпленія, нежели въ пустынѣ, побѣждалъ отыскивать хоть какой-нибудь пицци. Но, увы!.. День оказался не базарнымъ. Базаръ бываетъ здѣсь разъ въ недѣлю, а въ мѣстныхъ лавкахъ не было никакихъ закусокъ, если не считать за таковыя окаменѣлыя мятныя пряники, монпансье, карамель и тому подобную дрянь. Съ какимъ удовольствіемъ пожевалъ бы я теперь казалинской колбасы, хотя бы она еще болѣе походила на киргизскія нагайки; но и ея здѣсь не было. Наконецъ, меня выручилъ одинъ офицеръ. Видя мое затруднительное положеніе и въ эту минуту, и впредь, онъ пригласилъ меня къ себѣ жить. На дворѣ у него хорошенькій садикъ съ аллеями пирамидальныхъ тополей, кустами какихъ-то цвѣтотъ и съ журчащимъ арыкомъ. Въ саду цѣлый день ворковали индійскія горлячки, по временамъ свистѣли иволги, а по вечерамъ раздавался мелодическій крикъ хивинскаго сычика.

Здѣсь, въ сравнительно комфортабельной обстановкѣ, скоро были забыты всѣ невзгоды только-что пройденнаго пути. Забытъ былъ 11-дневный постъ въ пустынѣ, забыты песчаные души, фалаанги и всѣ остальные напасти, которыми Дарья Сидоровна такъ попрекала нашихъ проводниковъ. Однако, увлекаться забываніемъ мнѣ было нельзя: надо было торопиться къ устью Аму-Дарьи.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Проф. Никольскій.

Годъ III-й.

№ 10-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ЮНОШЕСТВА

И

САМООБРАЗОВАНІЯ.

О К Т Я Б Р Ъ

1894 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).

1894.

ВЪ СТРАНѢ ГЛИНЫ И ПЕСКУ.

(ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ).

(Окончаніе *).

II.

На Аму-Дарьѣ.

Съ большимъ трудомъ, при содѣйствіи мѣстнаго начальства, удалось нанять каюкъ, и то только до Нукуса. 2-го іюля, въ сопровожденіи нѣсколькихъ солдатъ, которые уже давно ждали случая ѣхать въ Нукусъ, и двухъ гребцовъ хивинцевъ я, наконецъ, тронулся въ дальнѣйшій путь.

Аму... впрочемъ, прежде всего надо сказать, что такое хивинскій каюкъ. Это—огромное ворыто, выдолбленное изъ тополеваго бревна съ такими же досками, набитыми по бортамъ. Хотя при этой неуклюжей лодкѣ полагаются весла, но, какъ плавники рыбъ, они служатъ только для того, чтобы направлять движеніе. Каюкъ несетя исключительно силой теченія, а вверхъ его тянутъ бичевой. Аму—великолѣпный гигантскій потокъ, прорѣзывающій съ сѣверо-востока на юго-западъ Туранскую низменность. Ни Волга, ни Днѣпръ и никакія другія російскія рѣки не могутъ дать представленія о томъ, что такое Аму. Уже близъ Петро-Александровскаго рѣка такъ широка, что противоположный берегъ виднѣется неясно, какъ въ туманѣ; а если смотрѣть наискось, поверхность воды сливается съ горизонтомъ. И вотъ, такая-то масса воды несетя въ Аральское море съ головокружительной быстротой. Мѣстами зубчатая волна вѣчно бороздитъ поверхность Аму; это—не тѣ волны, которыя разводять вѣтеръ; это—сама рѣка несетя и скачетъ по каменистому дну, повторяя всѣ его неровности. Кое-гдѣ вода бурлитъ и кипитъ, какъ въ котлѣ. Мѣстами, втягивая плывущіе предметы, крутятся суводи, замѣтныя издали по своей глад-

*) См. «Міръ Божій», № 9, сентябрь.

кой блестящей поверхности. Неудивительно, что русло, пробитое Аму-Дарьей среди низменной пустыни, не всегда можетъ сдержать этотъ могучій потокъ. Безъ всякой видимой причины то тамъ, то здѣсь Аму начинаетъ вдругъ подмывать берегъ, обыкновенно, правый. Глыба за глыбой съ грохотомъ, напоминающимъ пушечный выстрѣлъ, валится въ воду, и все, что есть на берегу, летитъ туда же. Водоподъемныя машины, кишлаки съ башнями, сады—ничто не въ силахъ удержать яростныя волны. До какой степени быстро пробиваетъ Аму себѣ новое русло, можно было видѣть близъ Петро-Александровска. Нѣсколько ниже укрѣпленія изъ рѣки былъ проведенъ арыкъ, черезъ который сначала прыгали сартовскіе мальчишки. Аму почему-то полюбился этотъ арыкъ, она направила туда свои воды, быстро раздвинула его берега, и не прошло лѣта, какъ онъ превратился въ огромный протокъ около версты въ ширину. Сады вмѣстѣ съ кишлаками и пашнями, разбитыя вдоль этой бывшей канавки,—все было подхвачено бѣшеною рѣкой и исчезло безъ всякаго слѣда.

Какъ быстро мчалось теченіе наше каюкъ, можно судить по тому, что, отваливъ отъ укрѣпленія въ 2 часа дня, на другой день поздно вечеромъ мы были уже въ Нукусѣ, то-есть, проплыли болѣе 200 верстъ, при этомъ ночевали на берегу, а днемъ нѣсколько разъ останавливались въ аулахъ, чтобы купить баранины. Отъ Петро-Александровска Аму протекаетъ по большей части среди пустыни. Съ каюка мы видѣли песчаные бурханы, которые такъ надоѣли въ Кизычъ-Кумахъ. Мѣстами холмы прерывались ровными пространствами, поросшими кустами тамариска, дикаго барбариса, колючки; то, вѣроятно,—были такыры. Только кое-гдѣ по берегу узкой каемкой зеленѣетъ тальникъ, или джида,—мѣстное дерево, плоды котораго такъ похожи на крошечныя финики. Сады и пашни попадались намъ рѣдко. Очевидно, въ настоящее время хивинскій оазисъ не есть сплошная полоса обработанной земли; это скорѣе цѣпь небольшихъ, вытянутыхъ по обоимъ берегамъ рѣки, оазисовъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга широкими промежутками пустыни. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что пустынность береговъ Аму не есть слѣдствіе невозможности оросить ихъ и превратить въ рядъ садовъ и пашень. Туземцы, хотя и превосходныя гидротехники, но они стараются воздѣлывать землю тамъ, гдѣ изъ Аму можно вывести воду безъ особыхъ хлопотъ обыкновеннымъ арыкомъ. Они неохотно поселяются въ тѣхъ мѣстахъ берега, гдѣ для орошенія необходимы водоподъемныя машины. Какъ ни просты эти сооруженія, все же они требуютъ особыхъ расходовъ. По простотѣ эти машины, дѣйствительно, замѣчательны. Представьте себѣ пароходное колесо, установленное у

берега такъ, чтобы оно могло вертѣться силой теченія. Къ окружности колеса придѣланы ведра, черпающія воду и выливающія ее въ жолобъ. Если прибавить къ этому, что колесо можно по желанію остановить простымъ бревномъ, то описаніе машины можно считать оконченнымъ. Такимъ образомъ при помощи этихъ сооруженій вода сама себя черпаетъ и сама себя поднимаетъ кверху, что возможно, конечно, только при той силѣ теченія, при той стремительности, съ какой Аму торопится добраться до Аральскаго моря. Несмотря на то, что здѣсь природой даны человѣку всѣ средства, чтобы побѣдить пустыню и превратить ее въ культурныя земли, мы видимъ, что побѣда, по большей части, остается на сторонѣ пустыни. Малочисленность населенія составляетъ, конечно, главную причину этого явленія; къ тому же еще не такъ давно, до занятія края русскими войсками, земледѣлецъ не былъ гарантированъ здѣсь отъ того, что въ одинъ прекрасный день налетитъ на него шайка бродячихъ туркменъ, отрубитъ ему голову, или уведетъ въ плѣнъ. Въ настоящее время съ появленіемъ русскихъ, когда разбои, какъ профессія, прекратились, хивинскій оазисъ можетъ ожидать болѣе счастливаго будущаго. Кстати, нѣсколько словъ объ отношеніяхъ Хивы къ Россіи. Хива de jure до извѣстной степени самостоятельное ханство, но de facto это не болѣе, какъ русская губернія, губернаторъ которой обладаетъ особыми полномочіями хана, то-есть, онъ можетъ рубить своимъ подданнымъ головы, сколько ему угодно, брать съ жителей подати, пока у нихъ есть что отдавать. Ханство имѣетъ свою монету и свое, съ позволенія сказать, войско и т.-д., но въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ распоряженія хана, хотя бы косвенно, могутъ коснуться русскихъ подданныхъ, онъ поступаетъ такъ, какъ ему «рекомендуетъ» наша администрація, въ лицѣ начальника Аму-Дарьинскаго отдѣла. Для Россіи очень удобенъ такой порядокъ вещей и, наоборотъ, было бы невыгоднымъ присоединять Хивинское ханство къ своимъ владѣніямъ. Наши азіатскія окраины требуютъ большихъ расходовъ на содержаніе въ нихъ войска, администраціи и т.-д., но въ большинствѣ случаевъ онѣ не вознаграждаютъ этихъ затратъ доходами; другими словами, окраины даютъ намъ пока только убытки. То же самое было бы, если бы Хива превратилась въ хивинскій округъ или уѣздъ. Между тѣмъ, въ настоящее время когда она существуетъ на правахъ самостоятельнаго ханства и управляется сама по себѣ, она не стоитъ намъ ни гроша, а изъ повиновенія Россіи выйти не можетъ, если бы даже ей и взбрела въ голову эта нелѣпая мысль. Какъ хивинцы управляются—это ихъ дѣло. Россіи пока некогда нянчиться съ ними. Довольно съ нихъ и того, что она избавила ихъ отъ систематическихъ разбоевъ киргизъ и туркменъ.

Нукусъ—это маленькая крѣпостца, которая была бы игрушкой гдѣ-нибудь на западныхъ границахъ нашего государства, но здѣсь она держитъ въ страхѣ все Хивинское ханство. Впрочемъ, въ настоящее время она постепенно утрачиваетъ свое значеніе, по мѣрѣ того, какъ хивинцы привыкаютъ къ мысли о необходимости и выгодѣ жить подъ крыломъ Россіи. Кромѣ небольшого гарнизона, въ Нукусѣ живетъ начальникъ Чимбайскаго уѣзда, къ которому относятся русскія земли внизъ по Аму до самаго моря.

Изъ Нукуса мнѣ надо было плыть дальше въ устье рѣки, въ протокъ Кукъ. Если трудно было нанять каюкъ въ Петро-Александровскѣ, то еще труднѣе найти средства спуститься изъ Нукуса внизъ. Если бы не уральскій казакъ, живущій здѣсь въ качествѣ поселенца, мнѣ долго пришлось бы ждать случая. Казакъ этотъ провѣдалъ, что изъ хивинскаго городка Ходжейли отправляется внизъ по Аму каюкъ съ товаромъ, владѣлецъ котораго намѣренъ торговать въ аулахъ, лежащихъ въ устьѣ рѣки, и между прочимъ посѣтить притокъ Кукъ.

Наскоро собравшись, въ сопровожденіи Кожевникова—такъ звали казака—я направился въ Ходжейли. До перевоза насъ довели на казенной телѣгѣ. Телѣга вернулась назадъ, а мы остались на берегу рѣки драть горло, вызывая съ той стороны лодку. Сначала завопилъ Кожевниковъ и докричался до хрипоты, затѣмъ къ нему присоединился и я, и тоже охрипъ; на той сторонѣ не обнаруживалось никакихъ признаковъ движенія. Наконецъ, я началъ стрѣлять и по одному разу, и дуплетомъ, перепалилъ при этомъ столько пороху, сколько было бы довольно для доброй охоты по бекасамъ; два съ лишнимъ часа изошрялись мы въ различныхъ попыткахъ обратить на себя вниманіе перевозчика и все-таки не добились толку. Насъ перевезъ казакъ, случайно проходившій мимо. Пока мы возились съ переправой, наступила ночь, и мы должны были заночевать на берегу. Когда мы уже улеглись спать явился и перевозчикъ, отлучавшійся куда-то по своимъ домашнимъ дѣламъ. Утромъ, къ счастью, довольно скоро, но такъ же случайно, намъ удалось нанять арбу, и мы потряслись на ней въ городокъ Ходжейли; до него отъ перевоза считаютъ не болѣе шести верстъ. Каюкъ, на которомъ я предполагалъ плыть, еще не былъ готовъ: хозяинъ грузилъ въ него товаръ, собираясь выѣхать только на слѣдующій день. Кожевниковъ вернулся въ Нукусъ, а я остановился у ходжейлинскаго жителя, армянина. Наконецъ, Чулакъ—такъ звали моего будущаго спутника—нагрузилъ каюкъ хлопкомъ еще въ коробочкахъ, деревянными сундуками, халатами, разной посудой, чаемъ, всякой мелочью, и мы поплыли внизъ по Аму. Та-

кимъ образомъ я очутился въ сообществѣ 7 человѣкъ туземцевъ, одного сарта хозяина и 6 каракалпакъ, рабочихъ; изъ нихъ ни одинъ не зналъ ни слова по русски. Къ счастью, съ грѣхомъ по поламъ я умѣлъ объясняться на киргизскомъ нарѣчьи, по крайней мѣрѣ зналъ съ полсотни самыхъ необходимыхъ словъ, и этого было достаточно, чтобы у насъ завязалась довольно оживленная бесѣда. Я вспомнилъ Дарью Сидоровну. Воображаю, какъ разсердилась бы она, если бы видѣла меня съ этими «собаками»—такъ называла она всѣхъ азіатовъ.

Такъ какъ на суднѣ, гдѣ я былъ пассажиромъ, не полагалось ни буфета, ни прислуги, то о своемъ продовольствіи я долженъ былъ заботиться самъ. По пути Чулакъ приставалъ къ каждому аулу и открывалъ свою лавочку. Если это случалось, не скажу, во время обѣда или завтрака, а просто когда хотѣлось ѣсть, хотя бы и утромъ, я принимался дѣйствовать. Пока Чулакъ съ азіатскимъ краснорѣчіемъ распинался за свой товаръ предъ покупателями каракалпаками, я подзывалъ каракалпаченка и объяснялъ ему, что мнѣ нужна курица. Бѣгомъ отправлялся онъ въ юрту, и вскорѣ вмѣстѣ съ нимъ съ курицей въ рукахъ являлась, обыкновенно, очень старая, каракалпачка. Въ здѣшнихъ аулахъ никогда не спрашивали съ меня болѣе 5 копѣекъ за курицу. Уплативъ, что слѣдуетъ, я бралъ ее и немедленно прекращалъ ея птичье существованіе, а затѣмъ, продѣлавъ все, что въ этихъ случаяхъ полагается, начиналъ варить супъ. Вмѣстѣ съ этимъ я ставилъ на костеръ и чайникъ для чаю. Пока я занимался этимъ полезнымъ дѣломъ, являлась цѣлая орда каракалпакскихъ дамъ, по большей части старухъ, и дѣтей. Въ рукахъ они держали по курицѣ, а нѣкоторыя и сразу двухъ, зажавъ ихъ подъ мышками. Все это предназначалось мнѣ въ продажу, но такъ какъ мнѣ и одной было много, то отъ остальныхъ приходилось отказываться. Тогда каракалпачки начинали предлагать пару за 5 коп. Чтобы не обидѣть старухъ, я давалъ имъ по горсти сухарей, а ребятамъ по куску сахару, и они съ довольнымъ видомъ уносили своихъ куръ.

Ночевали мы точно также близъ ауловъ. Едва только начинало смеркаться, появлялись всесвѣтныя кровопійцы—комары. Мои спутники забивались въ наскоро разбитую палатку, а я ставилъ на каюкѣ свой пологъ, который приобрѣлъ въ Казалинскѣ, зная по опыту, что значитъ ночевать на комарахъ. Хорошо лежать въ пологѣ, когда за его стѣнками раздается голодный вой этихъ возмутительныхъ насѣкомыхъ. Миріады ихъ густымъ роємъ облѣпляютъ снаружи кисею полога; чуя кровь, они снуютъ вверхъ и внизъ, отыскивая, нѣтъ ли гдѣ дырочки. Вы лежите и слышите

яростный гулъ, по временамъ его покрываетъ высокій пискъ отдельнаго комарипки, который вертится около вашего уха по ту сторону тонкой стѣнки. Вы лежите и, глядя на мерцающія сквозь кисею звѣзды, думаете: «Ничего, пишите себѣ, а я буду спать». И я дѣйствительно спалъ, спалъ такъ, что комары въ концѣ концовъ, вѣроятно, объявляли меня мертвымъ и отправлялись искать живого человѣка. Утромъ я просыпался, когда каюкъ уже плылъ по серединѣ рѣки. Ниже Нукуса Аму разсыпается на нѣсколько рукавовъ, впадающихъ самостоятельно въ море. Мы шли сначала протокомъ Куня-Дарьей, затѣмъ Ишаномъ, и наконецъ, повернули въ Кукъ. Въ дельтѣ природа береговъ носить иной характеръ, нежели выше Нукуса. Здѣсь уже не видно пустыни. Зеленымъ бордюромъ окаймляютъ протоки *тугаи*, или прибрежные лѣса джиды и тальника. Кое-гдѣ они прерываются темной зеленью камышей и чѣмъ ближе къ морю, тѣмъ гуще и выше эти камыши и тѣмъ шире захватываютъ они берегъ; мѣстами они превращаются въ огромныя заросли. Особенно удобно любоваться этой чащей съ песчаныхъ холмиковъ, которые тамъ и сямъ въ видѣ островковъ торчатъ среди сплошной зелени листьевъ. Цѣлое море темнозеленыхъ верхушекъ камыша до самаго горизонта разстилается предъ вашими глазами. Какъ въ открытомъ морѣ, глазъ не встрѣчаетъ никакихъ неровностей; кое-гдѣ только желтѣютъ гребни этихъ одинокихъ холмовъ или возвышается отдельное деревцо джиды. Словно море, камышъ шумитъ и волнуется. Вы видите, какъ зеленая волна, взрытая подлѣ васъ порывомъ вѣтра, быстро несется впередъ; вотъ она открыла верхушку скрывавшагося въ камышѣ дерева, перескочила черезъ него, промчалась еще немного дальше и исчезла въ массѣ листьевъ. Аму-дарьинскіе камыши—настоящіе джунгли здѣшнихъ мѣстъ. Въ нихъ съ успѣхомъ можетъ укрыться верблюдъ и даже всадникъ, сидящій на его горбѣ,—такъ высоки эти заросли. Только кабанамъ и тиграмъ доступна непролазная чаща гибкихъ, упругихъ, какъ сталь, стеблей, увѣнчанныхъ метелкой крупныхъ темныхъ листьевъ. Кабаны чувствуютъ себя здѣсь, какъ рыба въ водѣ. Въ низовьяхъ Аму ихъ такъ много, что казаки зимой бьютъ ихъ цѣлыми возами. Настоящій хозяинъ здѣшнихъ джунглей, однако, не кабанъ, а тигръ. Мнѣ не случилось ни видѣть этого звѣря, ни слышать его рѣва, я видѣлъ только его слѣды, овальные ямки, оттиснутыя на пескѣ подушками его лапъ. Какъ паръ звѣрей, тигръ, показывается только за дѣломъ, а дѣла у него много и въ камышѣ. Въ противоположность своему африканскому собрату льву, онъ рѣдко выдаетъ свое присутствіе рѣвомъ. Только въ ту пору, когда кошки задаютъ свои концерты, въ непролазной

чащѣ, какъ разсказывали казаки, иногда раздается глухое урчаніе: это тигровая серенада. Нерѣдко, по словамъ мѣстныхъ жителей, въ камышѣ можно слышать пронзительный визгъ кабана: это тигръ хозяйничаетъ въ своемъ царствѣ. Въ Кунградѣ я видѣлъ одного казака, года два тому назадъ на охотѣ имѣвшаго столкновеніе съ царственнымъ звѣремъ. Столкновеніе кончилось тѣмъ, что тигръ ушелъ невредимымъ, а казакъ на память объ этой встрѣчѣ до сихъ поръ носитъ на своемъ лицѣ глубокіе слѣды его когтей.

Сколько фазановъ въ здѣшнихъ камышахъ и тугаяхъ! Рано утромъ, едва только взойдетъ солнце, тамъ и здѣсь по берегамъ рѣки раздается отрывистый крикъ пѣтуха, похожій на сокращенное кукуруку. Вотъ бы куда нашихъ воскресныхъ охотниковъ въ ихъ модныхъ пиджачкахъ съ иголки, съ ихъ дорогими двустолками! Воображаю, сколько благородной крови перепортитъ себѣ такой немродъ въ своемъ охотничьемъ рвеніи. Послѣ тщетной попытки прораться сквозь чашу камыша, или колючаго кустарника, изодравъ свой пиджачекъ, испарапавъ до крови руки, онъ проклянетъ всѣхъ фазановъ на свѣтѣ и броситъ охоту, не убивъ ни одной птицы. Здѣсь надо умѣть ходить, умѣть пользоваться кабаньими тропами и знать ихъ, здѣсь нужна также сила и привычка ориентироваться въ чащѣ.

12-го іюля, послѣ многочисленныхъ остановокъ съ торговыми цѣлями, Чулакъ, наконецъ, доставилъ меня на Кукскіе рыбные промысла. На Кукѣ нѣтъ постоянного населенія. Лѣтомъ, во время лова красной рыбы (шипа), сюда съѣзжаются каракалпаки, узбеки, киргизы, русскіе, даже армяне и евреи. Всѣ эти рыболовы поселяются въ юртахъ, или въ наскоро сколоченныхъ домикахъ, и живутъ здѣсь, пока не окончится промысловый сезонъ; часто рыболовы-каракалпаки устраиваютъ изъ вязанокъ камыша особые плавучіе шалаши; одинъ изъ такихъ шалашей представленъ на прилагаемомъ рисункѣ.

На Кукѣ ужъ ждали меня. Мнѣ была поставлена каракалпакская юрта, въ нее внесли кое-какую мебель и вообще замѣтно было желаніе доставить мнѣ нѣкоторый комфортъ. Все это очень удивляло Чулака, и на его толстомъ лицѣ, съ заплаканными глазками, ясно можно было прочесть: «вотъ тебѣ на!.. а я думалъ это казакъ, а это, видно, тюря»—такъ называютъ туземцы чиновниковъ.

Отсюда мнѣ надо было ѣхать въ хивинскій городъ Кунградъ, до котораго отъ кукскихъ промысловъ считаютъ около 40 верстъ. Одинъ изъ временныхъ жителей Кука снабдилъ меня лошадыю и телѣжкой, а въ качествѣ кучера и проводника послалъ своего

14-ти-лѣтняго сына Васяньку. Васянька, хотя былъ и бойкій мальчишка, но дорогу зналъ плохо. На первыхъ же пяти верстахъ онъ

Плавуціе рыбацьі шалаши на оз. Сары-Кулѣ.

сбился съ пути, и чтобы поправить ошибку, поѣхалъ пашней съ неснятымъ еще кунжутомъ. Прибѣжалъ владѣлецъ пашни и задалъ моему кучеру здоровый вагоняй, но этотъ урокъ нисколько не прибавилъ у Васяньки опытности. Проѣхавъ еще нѣсколько верстъ, онъ опять сбился съ дороги, и такъ продолжалось до поздняго вечера, когда вдали показались высокіе минареты Кунграда. Но тутъ-то, въ концѣ пути, злой рокъ и приготовилъ для насъ самую главную ловушку. Это былъ широкій и глубокій арыкъ, чрезъ который намъ надо было переправиться. Васянька съ храбростью, свойственной его возрасту, вѣхалъ въ эту канаву, но на серединѣ ея лошадь увязла въ вязкомъ днѣ и, не смотря на всевозможныя поощренія, ни за что не хотѣла выбраться оттуда. Она металась изъ стороны въ сторону, билась, попыталась, было лягнуть, но изъ этого ничего не вышло; наконецъ, она легла на бокъ. Васянькѣ пришлось лѣзть въ воду, чтобы распречь лошадь, а телѣжка, сколько мы ни старались вытащить ее, такъ и осталась завязшей передними колесами въ грязи. Тѣмъ временемъ стемнѣло, появились тучи комаровъ и начали заниматься своимъ дѣломъ. Кое-какъ прила-

дили мы пологъ, прикрѣпивъ одну сторону къ заднимъ колесамъ, остававшимся на сухомъ мѣстѣ, а другую къ жиденькому кустуку. Затѣмъ, напившись вмѣсто чаю воды съ клюквеннымъ экстрактомъ, мы завалились спать. Но злой рокъ, вѣроятно, разсудилъ, что не стоило ему и хлопотать для того только, чтобы мы выспались, и сталъ дѣйствовать снова. Началось съ того, что лошадь, привязанная къ тѣмъ же заднимъ колесамъ, стала метаться; очевидно, комары слишкомъ старательно занимались своимъ дѣломъ. Пологъ дрожалъ, наконецъ, оторвался отъ кустика и покрылъ насъ съ Васянькой. Пришлось вылѣзть и поправлять бѣду. Ну, думаемъ себѣ, теперь крѣпко, не упадетъ. Только это мы подумали и успокоились—было, какъ лошадь сообразила, что сколько ни мечись и ни мотай головой, отъ комаровъ не избавишься. Давай-ка, я поваляюсь—рѣшила она—и дѣйствительно начала валяться. Должно быть этотъ способъ оказался много болѣе цѣлесообразнымъ, потому что съ тѣхъ поръ она уже не переставала валяться почти до бѣлой зари. Сквозь прозрачную стѣнку полога я видѣлъ, какъ нашъ добрый конь, лежа бокъ-о-бокъ со мной, вскидывалъ ноги кверху и поворачивался на спину. Такъ какъ, кромѣ двухъ колесъ тележки, вблизи не было никакого предмета, къ которому можно было бы надежно привязать его, то мнѣ оставалось только заниматься разсужденіемъ о томъ, перекинется ли онъ на мою сторону, или постѣснитъ присутствія полога. Такого рода соображенія, конечно, не могли оказать на меня снотворнаго дѣйствія; къ тому же, вся исторія происходила на сыпучемъ пескѣ; лошадь подняла страшную пыль; сквозь рѣдкую кисею пыль проникла и въ пологъ, набилась намъ въ глаза, носъ и ротъ; Васянька началъ чихать, я сталъ кашлять, а лошадь продолжала валяться. Такъ дѣло тянулось до глубокой ночи, когда комары, испугавшись наступившей прохлады, улетѣли по своимъ домамъ. Навалявшійся вдосталь конь всталъ, и мы подъ слоемъ песку начали было дремать. Но, видно, не суждено было намъ спать въ эту ночь. Скоро мы вскочили и слышимъ лошадь неистово бьется, а гдѣ-то близко около насъ, можетъ быть шагахъ во ста, раздается адскій концертъ. Га...га...га...и...и...и...и... га...га... доносилось до насъ. Звуки переливались, то замирали, то снова раздавались съ удвоенной силой, словно толпа трусливыхъ дикарей пыталась напугать насъ крикомъ, по временамъ прислушивалась, каковъ эффектъ, и снова принималась кричать. Это были шакалы, судя по вою, огромной стаей собравшіеся близъ нашего полога. Не могу рѣшить, чего хотѣли отъ насъ эти трусливые обжоры; если ихъ послалъ злой рокъ, чтобы не дать намъ спать, то онъ достигъ своей цѣли. Долго услаждали они нашъ слухъ своимъ

пѣніемъ, наконецъ, это намъ надоѣло, я выстрѣлилъ изъ револьвера, и пѣвцы мгновенно замолкли. Воображаю, какъ они удирали! Тѣмъ временемъ стало свѣтать. Какъ только окончательно разсвѣло и на пашняхъ появились люди, Васянька сбѣгалъ туда и привелъ каракалпака, съ помощью котораго мы вытащили телѣжку изъ арыка.

Кунградъ—типичный среднеазиатскій городъ. Настоящихъ домовъ въ европейскомъ смыслѣ слова въ немъ нѣтъ. Въмѣсто нихъ, низенькія глиняныя мазанки съ плоскими крышами, съ навѣсами, обращенными на улицу, и съ дверью, продѣланной подъ навѣсомъ. Наружныя стѣны совершенно безъ оконъ, да и на дворъ, какъ говорятъ, выходятъ не окна, а просто четырехугольныя дыры, въ холодную погоду прикрываемыя доской или тряпкой. Улицы кривыя и узкія, такъ что въ случаѣ, если встрѣтятся двѣ арбы, одну необходимо остановить и на рукахъ оттащить къ самой стѣнѣ, иначе онѣ не разъѣдутся. Мѣстами съ одной стороны улицы на другую поверхъ крышъ положены жерди, а на нихъ набросаны вѣтви, камышъ и всякій мусоръ. Всюду грязь и вонь... Вотъ какова фізіономія Кунграда. Совершенно тотъ же, обликъ имѣютъ и всѣ другіе хивинскіе города, не исключая, какъ говорятъ, и столицы ханства. Какъ всѣ азіаты, кунградскіе жители ведутъ уличную жизнь, въ особенности большое оживленіе царитъ на базарѣ. Здѣсь по обѣ стороны довольно длинной крытой улицы тянется сплошной рядъ лавокъ. Вотъ мясная лавка съ бараньими тушами, съ лошадиными окороками, висящими подъ навѣсомъ, и съ тучами мухъ, носящихся надъ мясомъ. Рядомъ, среди обрѣзковъ кожи, хивинецъ точаетъ азіатскія калоши; напротивъ, черезъ улицу лежатъ груды арбузовъ, дынь, луку и другой зелени; тутъ еж, въ одномъ домѣ приютился мастеръ, деревяннымъ штампомъ набивающій аляповатые узоры на бумажной ткани. Немного дальше вы встрѣтите заводъ кунжутнаго масла, такую же мазанку, какъ и всѣ; сквозь растворенныя двери ея виденъ верблюдъ; вращающій пестъ въ большой деревянной ступѣ. Рядомъ продаютъ кирпичный чай, чуреки *), рисъ, какіе-то сухіе корешки и травы, развѣшанные гирляндами, какія-то снадобья въ видѣ порошковъ; тамъ опять арбузы или ресторанъ съ дымящимися котлами и съ запахомъ горѣлаго сала. Картину дополняетъ пестрая толпа суетящихся около лавокъ людей. Тутъ и хивинцы въ полосатыхъ халатахъ, и каракалпаки; вонъ чернѣетъ огромная яйцевидная папахъ туркмена, а вотъ и киргизы съ красными платками на бритыхъ головахъ; въ толпу замѣшался

*) Прѣсныя лепешки.

одинъ казакъ изъ сотни, стоящей въ Кунградѣ... Все это спорить, прицѣнивается, кричить; гдѣ-то скрипитъ верблюды, пищитъ козленокъ, и надъ всѣмъ этимъ содомомъ доминируютъ оглушительный звонъ котельщиковъ, нещадно бьющихъ молотомъ по мѣдной посудѣ. Въ Кунградѣ меня пріютилъ агентъ російскаго общества транспортированія кладей. Какъ специалистъ по части путей сообщенія въ здѣшной мѣстности, онъ помогъ мнѣ снарядиться въ дальнѣйшую дорогу.

III.

Въ странѣ глины.

Наставало время подумать о возвращеніи домой въ Петербургъ. Спрашивается, какъ надо ѣхать, чтобы по пути завернуть въ Астрахань? По картѣ этотъ вопросъ рѣшается очень просто. Отъ Кунграда перевалить чрезъ степь, раздѣляющую Араль отъ Каспія, на Каспійскомъ морѣ сѣсть на судно и прямо въ Астрахань. Первоначально именно этимъ путемъ я и предполагалъ вернуться домой. Мнѣ достовѣрно было извѣстно, что отъ Кунграда до залива Яманъ-Айракты, на Каспійскомъ морѣ, прекрасно можно было бы пройти на верблюдахъ. Этой дорогой, только въ обратномъ направленіи, генералъ Черняевъ проѣхалъ даже въ коляскѣ, конечно, съ запасомъ фуража для лошадей; сюда же направляли въ то время партіи новобранцевъ, идущихъ въ Аму-Дарьинскій отдѣлъ. Правда, мнѣ было извѣстно и то, что на пустынномъ заливѣ Яманъ-Айракты я рисковалъ засѣсть на неопредѣленно долгое время, такъ какъ ни пароходы и никакія торговыя суда туда не заходятъ, но я имѣлъ маленькую надежду на гурьевскихъ и астраханскихъ ловцовъ, промысляющихъ тамъ рыбой; они могли бы доставить меня въ Гурьевъ, или прямо въ Астрахань. Отчего бы не попытать счастья? а въ случаѣ, если бы ихъ тамъ не оказалось, я могъ бы заставить своего возчика везти меня дальше до форта Александровскаго на Мангышлакѣ, откуда уже ходятъ пассажирскіе пароходы. Все бы, повидимому, хорошо, да на бѣду въ то время, такъ-называемый, черняевскій путь отъ Кунграда на Яманъ-Айракты былъ уже заброшенъ, и въ Кунградѣ не нашлось ни одного возчика, который зналъ бы эту дорогу и взялся бы везти по ней. Мой хозяинъ созвалъ всѣхъ извѣстныхъ ему караванбашей—такъ называются лица, занимающіяся поставкой верблюдовъ и проводниковъ—но ни одинъ изъ нихъ не нашелъ возчика, желающаго везти на Каспійское море. Зато ничего не было легче нацять верблюдовъ на путь отъ Кунграда прямо на сѣверъ мимо Араль-

скаго моря чрезъ верховья р. Эмбы по направленію къ Оренбургу. На верблюдахъ здѣсь приходится идти верстѣ 700 до Темирскаго укрѣпленія, иначе называемаго Каракамышъ; отсюда до Оренбурга можно ѣхать уже на почтовыхъ. Правда, сравнительно съ черныевскимъ путемъ по этой дорогѣ на Астрахань надо сдѣлать безъ малаго двѣ тысячи верстѣ лишнѣхъ, но все же это было лучше, нежели возвращаться назадъ въ Петро-Александровскъ, а оттуда въ Казаинскъ; во-первыхъ, верстѣ на 800 ближе, а во-вторыхъ, какой интересъ тащиться знакомыми мѣстами, да еще по кизыль-кумской песочницѣ?

И такъ, стало быть, чрезъ Темирское укрѣпленіе на Оренбургъ! Я и подробнѣе отмѣтилъ бы предстоящій мнѣ маршрутъ названіями промежуточныхъ пунктовъ, да никакихъ другихъ пунктовъ по дорогѣ не существуетъ. На подробныхъ картахъ, впрочемъ, вся степь на сѣверъ отъ Арала испещрена тюркскими названіями, но это или колодцы, по большей части изсякшіе, или просто мѣста, такъ - называемыя урочища, т.-е. участки степи, въ предѣлахъ которыхъ кочуютъ опредѣленные киргизскіе роды. На старыхъ картахъ изображены здѣсь даже озера, но отъ нихъ не осталось и лужь: все высохло, и только нослѣ таянія снѣговъ на мѣсяцъ, или на два, на ихъ мѣстѣ скопляется немного вешней воды. Даже Эмба въ своихъ верховьяхъ изсякаетъ въ концѣ лѣта. Къ этому надо прибавить, что и отъ Эмбенскаго укрѣпленія не осталось и слѣда: оно давнымъ-давно упразднено.

И такъ мнѣ предстояло то же удовольствіе путешествія по пустынѣ, какое привелось испытать въ Кизыль-Кумахъ, съ тою только разницею, что этотъ разъ не могло быть и рѣчи о телѣгѣ, такъ какъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дорога имѣетъ видъ вычнхъ тропинокъ съ крутымъ подъемомъ и спускомъ. Нечего было думать и о верховыхъ лошадяхъ, потому что на пути нѣтъ для нихъ подножнаго корма. Только одни верблюды, оправдывая свою славу «кораблей пустыни», могутъ довольствоваться той чахлой полынью, какая растетъ на протяженіи 10 — 15 дней караванной дороги. Если Кизыль-Кумы почти безлюдны въ лѣтнее время, то степь между Араломъ и верховьями Эмбы въ ту же пору абсолютно пуста: кромѣ изрѣдка проходящихъ каравановъ, здѣсь, на разстояніи нѣсколькихъ сотъ верстѣ, не попадаетъ ни единой живой души. Въ концѣ лѣта, когда высыхаютъ хаки или степный лужи, путешественникъ трое сутокъ не встрѣчаетъ ни капли воды. Словомъ, географъ, описывая эту мѣстность, съ полнымъ правомъ можетъ сказать, что тамъ ничего нѣтъ, и этого будетъ достаточно, чтобы дать довольно полное представленіе о ней. Нѣтъ ни людей, ни жи-

вотныхъ, ни травы, ни воды и, если хотите, нѣтъ даже настоящей земли: одна твердь поднебесная, да голая, растрескавшаяся на солнцѣ глина. И вотъ этимъ-то живописнымъ пейзажемъ, съ высоты верблюжьяго горба, мнѣ предстояло любоваться не менѣе двухъ недѣль въ сообществѣ одного проводника киргиза. Жутко!— скажете вы. Великолѣпно! — подумалъ я, слѣзая съ верблюда въ Темирскомъ укрѣпленіи.. Однако, не станемъ забѣгать впередъ.

Благодаря участію моей любезной хозяйки, снаряженіе по части заготовки провизіи скоро было окончено. Основной продовольственный фондъ и этотъ разъ должны были составлять сухари, чай и сахаръ, но такъ какъ я не собирался спасаться и такъ какъ сухари едва ли лучше акриды, а сахаръ, пожалуй, даже и похуже меда, хотя бы и дикаго, то, очевидно, надо было позаботиться о чемъ-нибудь болѣе существенномъ. Вотъ тутъ-то меня выручила моя хозяйка.

Она приготовила мнѣ тоже нѣчто въ родѣ пеммикана, даже двухъ сортовъ, но только не по киргизскому способу (сохрани Богъ!), а по своему собственному. Одинъ сортъ готовится такъ: куски сырого мяса безъ жира опускаютъ на нѣсколько секундъ въ крѣпкій кипящій рассолъ, затѣмъ сушатъ ихъ въ духовой печкѣ. Другой сортъ представляетъ мясной фаршъ, слегка поджаренный, а потомъ высушенный въ печкѣ. И то и другое мясо оказалось превосходнымъ, въ теченіе дороги оно нисколько не измѣнило своихъ свойствъ и на вкусъ мало чѣмъ отличалось отъ свѣжаго мяса. Хивинскіе купцы, отправляющіеся въ Оренбургъ, берутъ съ собой въ особыхъ клѣткахъ живыхъ куръ, но это мнѣ показалось слишкомъ большою роскошью для путешествія въ пустынь. Деревянную флягу для воды я оставилъ въ Петро-Александровскѣ, такъ какъ по этой части уже тамъ имѣлъ въ виду слѣдующую комбинацію: у меня была большая полутораведерная банка со спиртомъ, задѣланная въ толстый деревянный ящикъ. Это-та самая банка, куда по договору съ Дарьей Сидоровной я обязанъ былъ сажать ящерицы, змѣй и другихъ «гносовъ» немедленно по изловленіи; тамъ же лежали у меня и аму-дарьинскія рыбы. Зоологическія пикули я запаляю въ особую жестянку, а банку, въ виду ея несомнѣнныхъ достоинствъ, а въ особенности въ виду ея стеклянной притертой пробки, я произвелъ въ званіе сосуда для воды. Лично для меня со всѣмъ багажемъ достаточно было одного верблюда, другой нуженъ былъ для проводника съ его пожитками, а третьяго я взялъ про запасъ, на случай, если одному изъ первыхъ вздумалось, вмѣсто того, чтобы довести насъ, покончить свое существованіе въ дорогѣ.

Чтобы не сидѣть верхомъ, я приобрѣлъ для себя особую корзинку съ навѣсомъ, сдѣланную изъ досчечекъ и ивовыхъ прутьевъ. Въ ней можно свободно сидѣть, протянувъ ноги впередъ, а если согнуться въ три погибели, то можно и лежать. Такая корзинка, напоминающая по формѣ кузовъ крытыхъ дѣтскихъ колясокъ, подвѣшивается сбоку верблюда, а съ другой стороны горба она уравнивается кладью. Необходимо, чтобы по обѣ стороны верблюда грузъ имѣлъ хотя бы, приблизительно, одинаковый вѣсъ, иначе одна сторона станетъ перетягивать, и на ходу весь вьюкъ можетъ свалиться. Весь мой багажъ вмѣстѣ съ банкой для воды, за исключеніемъ только ружья и кое-какой мелочи, былъ связанъ въ одинъ тюкъ, который своей 4-хъ-пудовой тяжестью почти какъ разъ соотвѣтствовалъ вѣсу корзинки вмѣстѣ со мной, ружьемъ и этой самой мелочью.

Снарядившись, такимъ образомъ, 12-го іюля мы, наконецъ, выступили въ походъ вмѣстѣ съ проводникомъ киргизомъ, молодымъ парнемъ, по имени Ахметъ. Проходя по базару, я захватилъ съ собой десятокъ дынь, для которыхъ здѣсь же купилъ большой очень толстый шерстяной мѣшокъ мѣстной работы. Правда, дыни отъ тряски испортились уже на второмъ переходѣ, но мѣшокъ со-служилъ мнѣ впослѣдствіи тройную службу. Хозяинъ проводилъ насъ до окраины города, откуда, связавъ верблюдовъ одного за другимъ, мы поплелись съ Ахметкой вдвоемъ.

Если кого укачиваетъ въ морѣ, то же самое съ нимъ будетъ и на верблюдѣ, въ особенности если онъ ѣдетъ въ корзинкѣ; другими словами, путешественникъ, подверженный морской болѣзни, будетъ испытывать всѣ ея послѣдствія среди пустыни, гдѣ на сотни верстъ нѣтъ ни капли воды. На меня почти не дѣйствуетъ качка въ морѣ, но здѣсь первое время начинало мутить, и даже довольно ощутительно. Сначала разбирало также большое сомнѣніе на счетъ устойчивости вьюка моего верблюда. А что, какъ вся эта исторія вмѣстѣ съ корзинкой полетитъ на землю!—думалось мнѣ. Хорошо еще, если багажъ перетянетъ, а что, если съ высоты горба 4-хъ-пудовый тюкъ, да еще какъ разъ острыми, окованными желѣзомъ, ребрами ящика обрушится на меня, будетъ исторія!—думаю себѣ. Однако, скоро всѣ эти страхи миновали, да и всякая муть прошла, такъ что уже на третьемъ переходѣ я чувствовалъ себя, какъ будто родился киргизомъ. Медленно и методически, съ правильностью метронома, шагали верблюды, и съ той же правильностью качалась моя люлька. Впереди ѣхалъ Ахметка, за нимъ шелъ мой верблюдъ, а сзади всѣхъ плелся запасный, и всѣ мы были связаны другъ съ другомъ. Въ своей корзинкѣ я

изображалъ собою не больше, какъ кладь, которую Ахметка взялся доставить въ Каракамышъ. Я могъ только выражать свои желанія, и это было единственное мое отличіе отъ неодушевленнаго предмета. Самостоятельно я не могъ ни остановить своего верблюда, такъ какъ онъ былъ привязанъ къ переднему, ни тѣмъ болѣе слѣзть съ него, такъ какъ для этого его надо было остановить и положить. Сквозь овальное отверстіе навѣса я вижу кусочекъ степи, переднюю ногу верблюда, его шею и отъ времени до времени вижу, какъ изъ за кузова корзинки выставляется мозолистая лапа задней. Сквозь дырочки, которыя я продѣлалъ по бокамъ крышки, слѣва мнѣ представляется видъ на степь, а справа столь же живописный видъ на верблюжьи горбы, одѣтые грязной кошмой. Сначала меня сильно доводилъ запасный верблюдъ. Это было тощее животное, съ кожей, покрытой какими-то болѣзненными чесоточными наростами. Всю дорогу онъ думалъ только о томъ, какъ бы почесаться, а такъ какъ въ степи, кромѣ другихъ нашихъ верблюдовъ, ничего подходящаго для этой цѣли не было, то при малѣйшей остановкѣ, или даже на ходу, онъ чоровилъ подобраться къ моей корзинкѣ и всякій разъ начиналъ тереть объ ея край свою корявую спину. Корзинка трещала и, что хуже всего, подъ напоромъ горба поднималась вверхъ, а вьюкъ опускался внизъ; однимъ словомъ, грозило сальто-мортале, котораго я такъ боялся сначала. Шомполомъ отъ ружья я прогонялъ несносную животину, но какъ ни въ чемъ не бывало, верблюдъ переходилъ на другую сторону и начиналъ чесаться о вьюкъ. Еще того хуже! Тогда я опускался внизъ, а тюкъ собирался обрушиться на меня своей 4-хъ-пудовой тяжестью. Пришлось перевести этого любителя почесаться въ середину, а меня въ хвостъ каравана, но на остановкахъ продолжалась та же исторія, и вообще этотъ возмутительный верблюдъ причинилъ намъ много хлопотъ, а пользы отъ него не было ни на грошъ, такъ какъ всю дорогу онъ только и дѣлалъ, что чесался.

Первый день мы шли по дну высохшаго Айбугирскаго залива. Еше на не очень старыхъ картахъ онъ изображенъ настоящимъ заливомъ, вдающимся вглубь степи отъ южнаго конца Аральскаго моря въ видѣ запятой верстъ 120 въ длину. Теперь онъ высохъ совсѣмъ, такъ что тамъ, гдѣ еще недавно жили морскія ракушки и плавали рыбы, теперь растеть колючка и бѣгають фазаны. Вообще, какъ извѣстно, Аральское море сохнетъ, что называется, не по днямъ, а по часамъ. Если бы не Аму и Сыръ-Дарья, по его дну давно бы ходили верблюды.

Въ концѣ 2-го дня пути по крутой узкой тропинкѣ мы подня-

лись на ровное, какъ полъ, плато Усть-Уртъ, отдѣляющее Аралъ отъ Каспія, откуда передъ нами открылся видъ на море. Ну, ужъ и видъ! ну, ужъ и море! Это та же пустыня, какъ степи вокругъ его, только пустыня водная. Когда мы взошли на Усть-Уртъ, было тихо. Какъ зеленое стекло блестѣла гладкая поверхность Арала. На морѣ ни паруса, ни чайки и никакой другой птицы. Всюду пусто, мертво и тихо. Такая же мертвая однообразная пустыня подходитъ къ берегамъ Арала. На сколько хватаетъ глазъ, вдоль берега тянется крутой обрывъ Усть-Урта, сѣрый, мрачный и мертвый. Нигдѣ ни кустика, ни зеленой травы, ни ручья; не слышно ни щебетанія птицъ, не стрекочуть кузнечики. Словомъ, какъ на морѣ, такъ и на берегу, нѣтъ ничего. Тамъ одна вода, а здѣсь голая глина. Со времени сотворенія міра, суда Аральской военной флотиліи, вѣроятно, были первыми судами, которыя стали бороздить поверхность открытаго моря, а команда ихъ была первыми людьми, которыхъ видѣли антилопы и лисы, живущіе на необитаемомъ островѣ «Николаѣ». Какъ этотъ островъ, такъ и нѣкоторые другіе были открыты и названы нашими моряками, поэтому на картѣ Арала среди тюркскихъ именъ, въ родѣ Барса-Кельмесь, Кугъ-Аралъ и другихъ встрѣчаются и русскія: островъ Лазарева, заливъ Чернышева и проч. Съ тѣхъ поръ, какъ флотилію упразднили, а пароходы и баржи ея вытащили на берегъ въ Казалинскѣ, море снова опустѣло.

Въ 1876 г. фирма бр. Ванюшиныхъ съ цѣлью рыболовства снарядила-было на Аралъ два морскихъ судна, но дѣло скоро лопнуло, и суда были разобраны на дрова.

Немного позже пытался плавать по морю казалинскій мѣщанинъ Кривохижинъ, но его затѣя кончилась настоящей робинзонадой, только съ трагическимъ финаломъ. Эта исторія стоитъ того, чтобы ее рассказать.

Кривохижинъ построилъ морское судно по типу каспійскихъ *кусовыхъ*, съ тѣмъ, чтобы доставлять пшеницу и другія произведенія Хивинскаго оазиса съ низовьевъ Аму въ Казалинскъ. Въ одинъ несчастный день съ командой въ 5 человекъ онъ отправился въ Кунградъ за хлѣбомъ. Тотъ годъ оказался въ Хивѣ неурожайнымъ, пшеница была дорога, и Кривохижинъ, чтобы не возвращаться безъ всякаго товара, пошелъ на необитаемый островъ «Николай» за саксауломъ, который продается въ Казалинскѣ на дрова по 10 коп. за пудъ. Въ небольшой бухточкѣ острова кусовая сѣла на мель и притомъ такъ крѣпко, что всѣ усилія стащить ее оказались напрасными. На душегубкѣ, состоявшей при суднѣ въ качествѣ подчалка, всѣ участники плаванія перебрались

на берегъ, перевезли все, что было нужно и можно, построили шалашъ и стали жить. Вскорѣ вышла вся провизія. По русской безопасности Кривохижинъ не захватилъ съ собой ни ружья, ни удочекъ и никакихъ другихъ орудій, которыми можно было бы промыслить пищу, поэтому нашимъ робинзонамъ оставалось только поглядывать на антилопъ, изъ любопытства близко подходившихъ къ ихъ лагерю, и на рыбъ, плескавшихся около берега. Такъ какъ поверхность острова представляетъ клочокъ той же пустыни, какаѣ на необозримое протяженіе тянется по берегамъ моря, то не могло быть и рѣчи о примѣненіи изобрѣтательности по образцу Робинзона. Глина, песокъ и саксаулъ мало могли принести пользы въ данномъ случаѣ, хорошо еще что на «Николаѣ» нашлась прѣсная вода: могло ея и не быть. Къ счастью, въ командѣ Кривохижина было двое киргизъ; они-то и выручили экспедицію. Хорошо зная пустыню и ея растительность, они вспомнили объ одномъ степномъ растеніи чочимуддукъ *), у котораго на корняхъ находится по одному клубню, вполнѣ съѣдобному и напоминающему по вкусу картофель. Этими-то клубнями и стали питаться Кривохижинъ и его рабочіе, когда былъ съѣденъ послѣдній сухарь. Такое существованіе, конечно, не могло долго продолжаться; приходилось искать радикальное средство спасенія, потому что не было ни малѣйшей тѣни надежды на помощь со стороны. Флотилію въ то время уже упразднили, и на Аралѣ, кромѣ той самой кусовой, которая сослужила такую скверную службу, не было ни одного судна. Поэтому Кривохижинъ рѣшился на отчаянную попытку: онъ задумалъ плыть къ берегу моря ни больше, ни меньше, какъ на своей душегубкѣ. Лодченку покрыли сверху брезентомъ и, приколотивъ края его къ бортамъ, устроили нѣчто въ родѣ палубы. На носу противъ скамейки для гребца и на кормѣ въ брезентѣ прорѣзали по отверстію такой ширины, чтобы туда могъ пролѣзть человекъ. Затѣмъ, когда въ душегубку былъ положенъ запасъ чочимуддука, боченокъ воды и компасъ, стали усаживаться люди. Двое киргизъ залѣзли подъ брезентъ, русскій рабочій сѣлъ въ весла, а Кривохижинъ на руль, причемъ тотъ и другой привязали веревкой къ поясу края отверстія въ брезентѣ. Въ таксмъ видѣ мореплаватели тронулись въ опасный путь, придерживаясь курса на востокъ. Остальные двое рабочихъ, оба русскіе, не рискнули присоединиться къ своимъ товарищамъ и рѣшили остаться на островѣ. Впрочемъ, все равно кому-нибудь надо было обречь себя на это, такъ какъ въ лодкѣ было слишкомъ тѣсно. Семь дней носились пловцы по морю.

*) *Megacarpaea laciniata*.

Уже въ началѣ пути задулъ сильный вѣтеръ, волны перекатывались поверхъ лодки и, если бы не импровизированная палуба, первый такой валъ залилъ бы маленькую душегубку; руль все-таки былъ смытъ. Въ довершеніе несчастія не хватило чочимудука, онъ былъ стѣденъ до послѣдняго клубня, выпита и вся вода. Какъ разъ въ то время, когда смерть отъ жажды была уже не за горами, выпалъ легкій дождь, и путешественники принялись сосать намокшее платье и брезентъ. Наконецъ, на седьмыя сутки они пристали къ берегу гдѣ-то между Аму и Сыръ-Дарьей, но спасеніе было еще далеко. Пройдя широкую полосу густыхъ камышей, они вышли въ песчаную пустыню Кизыль-Кумы. Долго тащились они по сыпучему песку, Кривохижинъ первый выбился изъ силъ; изнуренный голодомъ и жаждой, онъ упалъ. Остальные пошли дальше и вскорѣ замѣтили вдали голову барана, торчавшую изъ за верхушки холма. Тамъ оказалась одинокая семья киргизъ, пріютившаяся у колодца. Наскоро утоливъ голодъ и жажду, рабочіе Кривохижина захватили верблюда и отправились отыскивать своего хозяина. Къ ихъ радости онъ былъ еще живъ. Ему дали немного воды, молока, затѣмъ доставили въ киргизскую юрту, гдѣ онъ скоро поправился. Отсюда при содѣйствіи киргизъ, или, вѣрнѣе, ихъ верблюдовъ, уже не трудно было добраться до Казалинска. Чудомъ избавившійся отъ смерти Кривохижинъ считалъ своимъ священнымъ долгомъ употребить всѣ усилія, чтобы спасти двухъ своихъ рабочихъ, остававшихся на островѣ.

Немедленно по прибытіи въ Казалинскъ, онъ телеграфировалъ въ Петербургъ обществу спасенія на водахъ; но что могло сдѣлать общество въ этомъ случаѣ? Оно, конечно, отвѣтило, что совершенно безсильно помочь горю. Кривохижинъ, однако, не потерялся. Такъ поспѣшно, какъ только было возможно, онъ сталъ строить новую кусовую. Въ концѣ осени онъ окончилъ постройку, забралъ въ избытокъ провизіи и съ большой командой поплылъ на выручку. Еще когда судно шло Сыръ-Дарьей, по рѣкѣ плавали льдины. Кое-какъ все-таки Кривохижинъ выбрался въ открытое море, но скоро кусовую затерло льдомъ уже недалеко отъ «Николая», именно у острова Барса-Кельмесъ, гдѣ и пришлось зазимовать. Ранней весной, какъ только позволили льды, мореплаватели пошли дальше и на другой день бросили якорь у острова «Николая», но уже было поздно. Здѣсь на берегу бухты они увидѣли такую картину: все такъ же накренившись на бокъ стояла на мели кусовая, на землѣ, близъ моря лежалъ высохшій трупъ одного изъ несчастныхъ; недалеко отъ него на небольшомъ возвышеніи стоялъ саксауловый крестъ; подъ нимъ, очевидно, былъ похороненъ второй рабочій.

*

Около трупа лежала палка, на которой зарубками отмѣчались прожитые дни. Шестъ мѣсяцевъ насчиталъ Кривохижинъ на этой палкѣ; послѣдняя зарубка была сдѣлана за 40 дней до прибытія запоздавашаго спасенія. Кривохижинъ похоронилъ несчастнаго подлѣ его товарища, затѣмъ снялъ съ мели кусовую и съ двумя судами вернулся въ Казалинскъ. Съ тѣхъ поръ у него пропала всякая охота плавать по Аралу.

Въ устьѣ Сыръ-Дарьи я видѣлъ его злосчастную кусовую: она уже была вытащена на берегъ. Ея ободравный видъ, уныло отвисшія ваныты производятъ удручающее впечатлѣніе. Впрочемъ, такому впечатлѣнію, вѣроятно, больше всего способствуетъ сознание, что это та самая кусовая, которая предала довѣрившихся ей людей.

Такова эта печальная исторія. Трагическій исходъ ея, конечно, не больше, какъ несчастная случайность, которая, надо думать, не остановитъ другихъ предпринимателей. Съ увеличеніемъ русскаго населенія въ Туркестанѣ и Закаспійской области Аральское море еще можетъ ждать болѣе свѣтлой будущности. Не смотря на свой пустынный видъ, оно очень богато рыбой. Правда, изъ осетровыхъ здѣсь водится только одинъ шипъ, нѣчто среднее между осетромъ и стерлядью, но частичковая рыба живетъ въ Аралѣ, какъ въ садкѣ. Сазанъ, усачъ, лещъ, судакъ, шемая и другія наши обыкновенныя породы водятся здѣсь въ несмѣтномъ числѣ. Въ настоящее время промыселъ сосредоточивается въ устьяхъ Аму и Сыръ-Дарьи, откуда рыба вывозится, главнымъ образомъ, въ Оренбургъ. При первобытныхъ путяхъ сообщенія, на верблюдахъ доставка ея обходится слишкомъ дорого; поэтому, расходы на такой путь могутъ окупать только наиболѣе цѣнные продукты, именно, шипъ, его икра, клей и вязига, а также шемая. Всѣ остальные рыбы ловятся почти исключительно для мѣстнаго потребленія въ количествѣ очень незначительномъ. Можно ожидать, что въ недалекомъ будущемъ это нетронутое рыбное богатство найдетъ прекрасный сбытъ среди увеличивающагося съ каждымъ годомъ населенія южнаго Туркестана и Закаспійской области. Пароходное сообщеніе по Аму и Сыръ-Дарьѣ съ торговыми цѣлями, составляющее только вопросъ времени, обезпечитъ такое направленіе продуктовъ рыболовства. Берегомъ Арала мы шли не болѣе часу. Забравъ воды изъ колодца въ уступѣ обрыва Усть-Урта, мы направились вглубь степи. Потянулись дни за днями однообразной дороги; завтра какъ сегодня, послѣ-завтра, какъ завтра, все та же ровная, какъ полъ, глинистая степь, широкая, какъ море, и, какъ ладонь, голая. Ни малѣйшій бугорокъ, ни одинъ кустикъ не разнобразятъ этого унылаго пейзажа. Степь впереди, степь сзади

и, куда не взглянете, до самаго горизонта все степь и степь, покрытая синимъ куполомъ безоблачнаго неба. Изрѣдка изъ-подъ ногъ верблюда выпорхнеть грязно-желтый, какъ глина, крошечный жаворонокъ, Богъ знаетъ, зачѣмъ поселившійся здѣсь. Одинъ разъ вдали, какъ тѣни промелькнули три антилопы и какъ бы растаявъ, скоро исчезли, въ пустынѣ. Гдѣ-то по серединѣ дороги мы встрѣтили стаю грифовъ, сидящихъ около растерзаннаго трупавшаго верблюда. Вотъ и всѣ животныя обитатели этой страны глины, которыхъ мы видѣли въ теченіе девяти дней пути. Здѣсь только становится понятнымъ, что значить «корабли пустыни». Дѣйствительно, надо только удивляться, какъ могутъ верблюды, при всей ихъ неприхотливости, поддерживать свое существованіе въ здѣшней степи. Правда, присмотрѣвшись къ ея поверхности, не трудно убѣдиться, что она не такъ ужъ гола, какъ кажется съ перваго взгляда—на ней все-таки есть растительность, но зато, какова же эта и растительность! Кое гдѣ торчатъ былинки выжженной солнцемъ полыни, высотой около трехъ вершковъ, а во всякомъ случаѣ не болѣе четверти аршина. Онѣ такого же грязнаго цвѣта, какъ и сама глина, поэтому онѣ и не замѣтны при поверхностномъ взглядѣ. Къ тому же, нельзя сказать, чтобы былинки эти слишкомъ жались другъ къ другу; мѣстами одна отъ другой растетъ не ближе, какъ на аршинъ, а въ промежуткахъ чистѣйшая глина. Вотъ этимъ-то призракомъ травы и питается верблюдъ. Сколько надо ему отдѣльныхъ травинокъ, сколько щипковъ онъ долженъ сдѣлать, полагая на каждую по щипку, и сколько верстъ ему нужно обойти по степи, чтобы набить свой трехъ-этажный желудокъ! Между тѣмъ и на этомъ подобіи корма, безъ воды въ теченіе 4, даже 6 сутокъ, верблюдъ идетъ, да еще какъ идетъ! Мы выступали, обыкновенно, вскорѣ послѣ полуночи. Ужъ разсвѣтатъ станетъ, я уже высплюсь въ своей корзинкѣ, а верблюды идутъ, я опять засну и снова проснусь, уже солнце начинаетъ печь, а верблюды все идутъ. Незадолго до полудня мы останавливались часа на два варить, а затѣмъ снова шли до самаго вечера. 14 часовъ въ сутки изо дня въ день двѣ недѣли шагали наши верблюды, да и на остановкахъ, хотя и безъ выюка, они все-таки бродили по степи, отыскивая эти призраки пищи. Едва ли они отдыхали болѣе двухъ-трехъ часовъ въ сутки. Такъ работали наши «корабли пустыни». Что же дѣлали мы сами? А вотъ что.

Ахметка, въ качествѣ спеціалиста по пустыннымъ дѣламъ, былъ въ нѣкоторомъ родѣ начальникомъ движенія. Онъ назначалъ мѣсто остановокъ, время выступленія и проч., такъ какъ онъ одинъ зналъ положеніе колодцевъ, зналъ дорогу, или, вѣрнѣе, чуть-

емъ угадывалъ, куда надо идти: мѣстами не было никакого подобія тропинки. Чѣмъ руководствовался въ этихъ случаяхъ Ахметка, Богъ его знаетъ. Ночью, должно быть, звѣздами, или вѣтромъ, съ вечера до утра дуящимъ здѣсь въ одномъ направленіи, а днемъ, вѣроятно, солнце показывало ему дорогу, а можетъ быть, жаворонки, или полынь, или вонъ тотъ уголокъ отставшей отъ земли глиняной плитки, какъ знать?

Киргизы, какъ истыя дѣти пустыни, знаютъ ее, какъ собственную нагайку. Тамъ, гдѣ для посторонняго природа пустыни молчитъ, киргизъ ясно слышитъ ея голосъ. Могъ ли я послѣ этого вмѣшиваться въ распредѣленіи времени въ дорогѣ? Положимъ, я хочу ѣхать, а Ахметка заявляетъ, что въ этомъ мѣстѣ надо идти только въ то время, когда солнце будетъ на три нагайки отъ земли, или когда *Джитты-карабчи* *) (Большая Медвѣдица) своимъ хвостомъ подойдутъ къ землѣ на высоту трехъ верблюдовъ. На вопросъ—почему? онъ можетъ отвѣтить, что въ такомъ только случаѣ на ночевку придемъ какъ разъ къ колодцу, или на остановкѣ кормъ будетъ лучше. Глядишь, такъ оно и выходитъ! Словомъ, Ахметкѣ и книга въ руки.

Обыкновенно еще за долго до разсвѣта, иногда ровно въ полночь онъ подходилъ къ моей корзинкѣ и со словами «тамыръ **), айда!», дергалъ меня за ногу. Это означало, что «тамыръ» долженъ былъ вставать и идти выучить верблюдовъ. «Тамыръ» вдвоемъ съ Ахметкой поднималъ на горбъ сидящаго верблюда 4-пудовый тюкъ, затѣмъ подставлялъ подъ него свою спину, а Ахметка переходилъ на другую сторону верблюда связывать съ выкомъ корзинку. Покряхтѣвъ столько, сколько этого надо было для связыванія, «тамыръ» получалъ, наконецъ, отпущеніе грѣховъ, затѣмъ залѣзалъ въ свое висячее логово, Ахметка на свое; верблюды, колыхнувшись три раза, вставали и караванъ выступалъ въ путь... Скрючившись въ три погибели, укачиваемый въ своей люлкѣ, я, обыкновенно, засыпалъ. Сквозь сонъ я думалъ объ Ахметкѣ, каково-то ему бѣдному сидѣть верхомъ на горбѣ, когда такъ хочется спать? Однако, проснувшись какъ-то на разсвѣтѣ, я совершенно успокоился на этотъ счетъ, увидѣвъ, что и Ахметка не даетъ маху. Со свѣсившимися внизъ головой, руками и ногами, какъ огромный паукъ, обнявъ ими кошемную площадку на горбахъ, лежа спиной кверху, онъ спалъ, и спалъ такъ крѣпко, что

*) Джитты-карабчи въ переводѣ значить семь воровъ. Эти семь воровъ, по представленію киргизъ, бѣгаютъ вокругъ желѣзнаго кола (Темиръ-кызы) или полярной звѣзды.

**) Слово тамыръ значить нѣчто въ родѣ парень, или господинъ.

не слыхалъ, какъ запасный верблюдъ рысцою поравнялся съ нимъ и, сгорая желаніемъ почесаться, пнулъ бокомъ его сидѣнье. Тогда и я свернулся зигзагомъ и тоже заснулъ, только одни верблюды продолжали бодрствовать и шли себѣ, да шли, по пробитой тропинкѣ.

Во время остановокъ приходилъ мой чередъ обнаруживать свои таланты. Изъ всѣхъ нашихъ общихъ дѣлъ единственное, не выходящее изъ предѣловъ моей компетенціи занятіе, было кулинарное дѣло, но зато во всемъ его объемѣ, начиная съ добыванія топлива. Пока Ахметка возился съ верблюдами, удовлетворяя ихъ справедливыя требованія, я забиралъ шерстяной мѣшокъ, взятый первоначально для дынь, и отправлялся собирать верблюжій кизекъ. Дѣло это было простое, въ особенности, если мы стояли у колодца, гдѣ каждый караванъ оставляетъ по себѣ слѣды. Гораздо труднѣе набрать здѣсь сухихъ полыннхъ былинокъ для растопки, а еще труднѣе разжечь кизекъ. Такъ какъ погоды были по большей части тихія, то для того чтобы развести костеръ, въ него приходилось дуть, и я дулъ, дулъ до тѣхъ поръ, пока глаза не начинали обнаруживать несомнѣннаго желанія выскочить на лобъ. Тогда приходилъ Ахметка и тоже дулъ и до тѣхъ же самыхъ поръ. При такомъ усердіи кизекъ, конечно, разгорался, и я начиналъ варить нѣчто въ родѣ каши изъ риса и сухого мясного фарша. Когда это блюдо моего собственнаго изобрѣтенія бывало готово, мы постилали вмѣсто ковра все тотъ же шерстяной мѣшокъ и начинали ѣсть; ѣли мы съ одинаковой готовностью уничтожить свою порцію до тла. Затѣмъ принимались за чай. Вотъ по этому пункту наши взгляды съ Ахметкой расходились. Я, какъ это и слѣдуетъ, относился къ чаю, какъ къ напитку, поэтому пилъ его съ клюквеннымъ экстрактомъ; выходило освѣжительно, да и соленый вкусъ колодезной воды скрадывался. Ахметка же видѣлъ въ чаѣ нѣчто въ родѣ похлебки, поэтому норовилъ, чѣмъ только возможно, сдабривать его. Для этой цѣли онъ везъ съ собою небольшой кожаный турсучекъ съ жидкимъ бараньимъ саломъ. Въ чай же онъ клалъ сухари, и если была подъ руками соль, то и соль. Получалась настоящая похлебка, но я думаю, что она была не лучше спартанской. Признаться, было довольно - таки тошно смотрѣть, какъ Ахметка, причмокивая, пилъ это пойло, поэтому мнѣ очень хотѣлось научить своего полудикаго спутника пить чай, какъ чай, и я предложилъ вмѣсто сала прибавлять клюквеннаго экстракта. Сначала Ахметка подозрительно относился къ этой красной тягучей жидкости, но когда я объяснилъ, что это, дескать, «бульдрюгунъ» (ягода), онъ рѣшился сдѣлать опытъ.

«Якши?» (хорошо?)—спрашиваю я.—«Якши»,—отвѣчаетъ Ахметка и вслѣдъ за этимъ въ тотъ же чай налиываетъ съ полстакана сала.

«Якши?» любопытствую я опять.—«Чокъ якши» (очень хорошо), говоритъ Ахметка, прибавляя туда же сахару.

Должно быть, это было дѣйствительно «чокъ якши», потому что съ тѣхъ поръ мой ученикъ неизмѣнно придерживался этого новаго способа приготовленія чая и скоро перевелъ весь экстрактъ.

Можетъ быть, кого интересуетъ нашъ туалетъ въ дорогѣ, такъ сообщить объ этомъ тѣмъ легче, что у Ахметки не полагалось его совсѣмъ, да и я очень успѣшно приблизился къ такому киргизскому идеалу. Только у колодцевъ, стало быть, дня черезъ два-три, я мылъ руки, и это было всё, чѣмъ отличался я въ отношеніи туалета отъ своего спутника. Въ промежуткахъ между колодцами такую роскошь нельзя позволить изъ экономіи въ водѣ, а беречь воду намъ приходилось въ особенности, потому что ахметкинъ турсукъ еще въ началѣ пути прорвался. Хотя дыру завязали веревкой, но онъ снова прорвался въ другомъ мѣстѣ, и мы остались при одной моей банкѣ. Лично я былъ даже доволенъ этимъ заключеніемъ съ турсукомъ, потому что, судите сами, какая вода должна быть, если она пробудетъ дня два-три на солнцѣ въ мѣшкѣ, сдѣланномъ изъ цѣльной бараньей шкуры. Не было бы большой бѣды, если бы вода только нагрѣвалась, но она приобрѣтала запахъ сырой подгнившей кожи; мелкіе охлопки кожи плавали въ ней въ такомъ изобиліи, что она теряла всякіе признаки прозрачности. Если къ этому прибавить, что она сама по себѣ имѣла солоноватый вкусъ, то будетъ достаточно, чтобы составить представленіе о томъ поилѣ, которое находилось въ ахметкинѣ турсукѣ. Никакіе экстракты въ мірѣ не въ состояніи были бы сдѣлать такую воду годной для питья. Впрочемъ, Ахметка пилъ и говорилъ: «якши». На Усть-Уртѣ въ теченіе 9 дней пути только одинъ разъ мы встрѣтили «хакъ». Это была лужа съ площадью не больше обѣденнаго стола, и съ глубиной въ 1½ вершка, такъ что воду приходилось чрезвычайно осторожно снимать сверху, какъ сливки, при помощи блюдечка; безъ такой предосторожности со дна поднималась глинистая муть. Хотя поверхность лужи отливала зеленой плесени, но, къ моему удивленію, вода сравнительно съ колодезной оказалась превосходной; во всякомъ случаѣ, она имѣла совершенно прѣсный вкусъ, а легкому букету плесени можно было и не придавать особаго значенія.

И такъ, стало быть, насъ нельзя было упрекнуть въ томъ, что мы черезчуръ занимались своей внѣшностью. Это еще виднѣе бу-

дети, если прибавить, что, согласно примѣру Ахметки, я спалъ не раздѣваясь, и всѣ 14 дней до самаго Каракамыша ни разу не умывалъ лица. Словомъ, мы жили совершенно по киргизски. Какъ можно спускаться до степени номада, хотя бы и въ пустынѣ!— можетъ замѣтить по этому поводу досужій моралистъ. Не лучше ли было бы—прибавить онъ—своими европейскими привычками, по крайней мѣрѣ хоть чистоплотностью, подавать примѣръ киргизу? Виданое ли дѣло, не умываться въ теченіе двухъ недѣль! Все это, можетъ быть, и такъ, но только посмотрѣлъ бы я на этого моралиста въ то время, когда, проживъ среди лѣта нѣсколько дней подъ открытымъ небомъ въ степи, онъ вздумалъ бы умыть свою выхоленную фізіономію. Воображаю, какой подниметь онъ крикъ на всю пустыню, когда лицо его начнетъ горѣть, какъ въ огнѣ, а кожа станетъ лупиться, какъ у ящерицы. А это всегда бываетъ, если въ тѣхъ условіяхъ, въ какихъ находились мы съ Ахметкой, обращать вниманіе на чистоту своей фізіономіи, да еще прибѣгать къ помощи мыла. Вотъ зубами мы могли бы щегольнуть съ успѣхомъ, Что всего удивительнѣе, такъ это то, что въ степи и у меня они приобрѣли извѣстную киргизскую особенность, именно, сдѣлались бѣлы, какъ слоновою костью, хотя я не чистилъ ихъ ни разу. Между тѣмъ въ Петербургѣ, не смотря на ежедневную чистку, у меня были... ну, самые обыкновенные зубы, не бѣлѣе тѣхъ, какіе только могутъ быть у столичнаго жителя. Не знаю, извѣстно ли дантистамъ это чудотворное вліяніе степной жизни на зубы, а если извѣстно, то какъ они объясняютъ его?

Такъ протекала наша кочевая жизнь. Какъ уже сказано было, часовъ 14 въ сутки мы шли. Собственно шли-то верблюды, а мы, сидя на нихъ, глазѣли по сторонамъ, подмѣчая каждую былинку польни, если она повыше другихъ вершка на два, или просто на просто спали. Впрочемъ, надо правду сказать, что спалъ больше я; Ахметкѣ же, хотя онъ и выросъ на верблюжьихъ горбахъ, все таки не слишкомъ удобно было лежать со свѣсившейся внизъ головой, поэтому на мѣстахъ ночевки при первой возможности онъ постилалъ на землю свой халатъ тамъ, гдѣ стоялъ передъ этимъ, ложился и мгновенно засыпалъ, а я отправлялся бродить по степи. Удивительныя ночи бываютъ въ здѣшной пустынѣ! Звѣздныя, теплыя и тихія, тихія! Какъ теперь, помню одну такую ночь, когда меня особенно поразила тишина. Можно описать какой угодно шумъ, крикъ, звонъ, но какъ описать тишину, въ особенности ту абсолютную тишину, какая бываетъ здѣсь ночью. Ни малѣйшаго звука!— вотъ и все. Въ другихъ мѣстахъ, какъ бы тихо ни было, всегда можно открыть хоть какой-нибудь звукъ. Если тихо въ комнатѣ,

вы все-таки слышите или гулъ доносящійся съ улицы, или чирканье сверчка за печкой; если этого нѣтъ, такъ тараканъ шуршитъ по обоямъ, или, наконецъ, гудитъ горящая лампа, или щелкаетъ пламя свѣчки. Ночная тишина лѣса, сада, пашни никогда не бываетъ полной; непремѣнно дрогнетъ листъ, или крикнетъ сонная птица, прожужжитъ летящій жукъ, пискнетъ комаръ, а не то, такъ раздастся одинъ изъ тѣхъ неясныхъ, таинственныхъ ночныхъ звуковъ, происхожденіе которыхъ извѣстно одному Богу. Словомъ, вездѣ и всегда слышно хоть что-нибудь, а здѣсь ничего, такъ-таки ровно ни малѣйшаго звука. Да и откуда взяться ему въ тихую ночь среди спящей пустыни, когда воздухъ совершенно неподвиженъ! Тихо такъ, что, когда я зажегъ спичку и поднялъ ее надъ головой, пламя стояло безъ движенія, какъ въ комнатѣ. Это не та минутная удушливая тишина, какая бываетъ у насъ передъ грозой. Здѣсь дышится легко, воздухъ чистъ и спокоенъ. Вы чувствуете, что такъ будетъ всю ночь, такъ можетъ быть и завтра ночью, и послѣ завтра, и цѣлыя недѣли, пока не разыграются стихіи, а стихіи играютъ здѣсь больше зимой. Я бродилъ по степи и, глядя на серпъ молодой луны, думалъ, что должно быть только тамъ, на лунѣ, гдѣ нѣтъ ни атмосферы, ни жизни, бываетъ такъ же тихо, какъ здѣсь ночью. Я бродилъ и прислушивался, не зашуршитъ ли гдѣ, бѣгая по глинѣ, хотя бы фаланга, но и ея не было.

Вонъ бѣлѣетъ крышка моей корзинки, а рядомъ, навѣрно, спитъ Ахметка, но и тотъ не храпитъ, и даже не сопитъ, иначе было бы слышно за нѣсколько верстъ. Нагнувшись, я вижу на небѣ черный силуэтъ нашего верблюда, беззвучно, какъ привидѣніе, шагающаго по степи; а вонъ, опустивъ голову внизъ, стоитъ и другой. Чтобы нарушить мертвую тишину ночи, я крикнулъ, но и самъ испугался собственной дерзости. Звукъ замеръ мгновенно безъ малѣйшаго эхо. Ахметка отозвался на крикъ... и опять стало тихо! Я еще ничего не сказалъ о нашихъ встрѣчахъ съ людьми во время дороги. Ихъ было немного. Гдѣ-то на серединѣ пути мы повстрѣчали длинный караванъ, направлявшійся въ Хиву изъ Оренбурга съ грузомъ чугунныхъ котловъ, тагановъ и какихъ-то ящичковъ. Караванъ сопровождали четверо киргизъ, загорѣлыхъ, какъ мы съ Ахметкой, оборванныхъ, какъ нищіе на картинкахъ, и, какъ шакалы, голодныхъ: послѣднее было видно по ихъ лицамъ. Каждый по очереди, по мѣрѣ того, какъ равнялся съ нами, неизмѣнно задавалъ вопросъ: «шундә су баръ-ма?» (есть ли тамъ вода). Они спрашивали о хакѣ, который мы прошли наканунѣ и не нашли въ немъ ни капли воды. Такъ какъ приблизилось время

дневной остановки, я предложилъ киргизамъ сдѣлать привалъ, съ цѣлью напоить ихъ чаемъ. Они выпили два чайника, съѣли изрядное количество сухарей и, какъ потомъ оказалось, когда уже ихъ и слѣдъ простылъ, ухитрились прорѣзать мѣшокъ и утащить у насъ все сушеное мясо кусками. Мы остались при одномъ фаршѣ, который, къ счастью, лежалъ отдѣльно.

Другой разъ уже въ концѣ дороги утромъ, когда Ахметка, обнявъ верблюжьи горбы, по обыкновенію спалъ на ходу, спалъ и я въ своей люлькѣ, насъ разбудилъ окрикъ нѣсколькихъ голо-совъ. Проснувшись, мы увидѣли вокругъ себя цѣлую орду киргизъ на верблюдахъ. Тутъ были и старики, и молодые, и нѣсколько женщинъ. Мужчины обступили Ахметку и принялись допрашивать его, какъ и что. Судя по тому, что при этомъ они ежеминутно заглядывали въ мою корзинку, допросъ касался меня. Какъ всѣ азіатскіе кочевые народы, киргизы любопытны, какъ бабы, и въ десять разъ больше ихъ любятъ посплетничать. Сплетни составляютъ у нихъ привиллегію мужчинъ и часто единственное ихъ занятіе. Киргизъ не задумается осѣдлатъ лошадь и скакать верстъ 30—40 къ пріятелю, единственно затѣмъ, чтобы сообщить ему, что у какого-нибудь другого пріятеля околѣлъ верблюдъ, или лошадь принесла жеребенка. Всякая изъ ряда выходящая новость, напри-мѣръ, появленіе въ степи русскаго чиновника, или случай крупной баранты *), разносится по степи съ быстротой телеграфа. Ахметка съ важнымъ видомъ вполголоса отвѣчалъ на вопросы своихъ соплеменниковъ. Должно быть, онъ вралъ преисправно, если судить по тому, что киргизы въ отвѣтъ на его слова съ прицелкиваніемъ качали головами, ахали и все съ бѣльшимъ любопытствомъ заглядывали въ мою корзинку. Одного изъ нихъ, видимо, не удовлетворяли свѣдѣнія, полученные отъ Ахметки, и онъ рѣшилъ обратиться прямо ко мнѣ.

«Ахчâ баръ?» (деньги есть) спросилъ онъ, подогнавъ своего верблюда къ моей корзиночкѣ. Такое начало знакомства, повидимому, не предвѣщало ничего добраго. Можно было бы подумать, что эта орда дикихъ кочевниковъ, пользуясь безлюдіемъ пустыни, собирается, ни больше, ни меньше, какъ ограбить меня. На самомъ же дѣлѣ, задавая свой вопросъ, киргизъ не имѣлъ никакихъ злонамѣренныхъ цѣлей: его просто разбирало самое невинное любопытство на счетъ моихъ денегъ; а сколько, дескать, можетъ ихъ быть у него. Впрочемъ, все это я сообразилъ уже впоследствии, а сначала и мнѣ показалась подозрительной такая любозна-

*) Угонъ скота.

тельность, и сторяча я рѣшился дать ей отпоръ. «Баръ» (есть)—отвѣчалъ я—«копъ ахчâ» (много денегъ). Затѣмъ, когда всѣ киргизы, обратившись въ мою сторону, наострили уши, я спросилъ: «ахчâ кирѣкъ ма?» (не надо ли денегъ).—«Кирѣкъ» (надо), отозвался кто-то.—«На!» сказалъ я и показалъ при этомъ сложенную изъ пальцевъ фигуру, какую обыкновенно показываютъ въ подобныхъ случаяхъ. Вся орда покатила со смѣху, смѣялись и дамы, и даже мальчишка, сидѣвшій на верблюдѣ среди домашняго скарба, оскалилъ свои бѣлые зубы.

Пока шли эти разговоры, нашъ запасный верблюдъ сообразилъ, что не слѣдуетъ упускать такого прекраснаго случая почесаться, и потому, подойдя втихомолку къ своему новому знакомому, на которомъ сидѣли двѣ киргизки, началъ терѣть свою корявую спину объ ихъ кошениное сидѣнье. Сидѣнье сползло на бокъ, бабы начали падать и, цѣпляясь за кошму, завизжали на всю степь, а мужчины принялись хохотать. Когда, наконецъ, Ахметка отвелъ неспособную животину въ сторону, чтобы чѣмъ-нибудь вознаградить перепуганныхъ дамъ, я подарилъ имъ двѣ перламутровыя пуговицы отъ блузы и столько же пустыхъ револьверныхъ патроновъ, и мы разошлись друзьями. Навѣрно все это киргизки подвѣсятъ себѣ на кончикъ косы.

Почти восемь сутокъ отъ самаго Аральскаго моря шли мы ровной, какъ полъ, глинистой степью. Казалось бы, что, пройдя такую обширную равнину, путешественникъ долженъ будетъ подниматься въ гору, между тѣмъ на девятый день мы подошли къ крутому спуску: то былъ сѣверный край плато Усть-Урта, по которому мы шли до сихъ поръ. Впереди, какъ въ туманѣ, виднѣлись неясныя очертанія Мугоджарскихъ горъ, а внизу разстилалась другая степь, но уже много болѣе оживленная. Здѣсь и полынь была гуще, мѣстами попадалась даже зеленая трава и низкій кустарникъ. Степныя пиголицы, стаи черныхъ жаворонковъ, мелкіе сокола—все это свидѣтельствовало, что здѣсь кончается среднеазиатская пустыня и начинается черноземная степь предгорій Урала. По мѣрѣ нашего движенія къ сѣверу, ночи становились замѣтно свѣжѣе, въ особенности мнѣ холодно было на ходу въ корзинкѣ. Вотъ тутъ-то мой шерстяной мѣшокъ сослужилъ мнѣ третью и послѣднюю службу. По ночамъ я залѣзалъ въ него, а края подвязывалъ къ тѣлу подъ мышками. Выходило совершенно по эскимосски, но только въ хивинскомъ мѣшкѣ. Не помню, въ какой по счету день перешли мы Эмбу. Во всякомъ случаѣ, это было совершенно незамѣтное событіе: верблюды просто перешагнули черезъ нее, не замочивъ лапъ. Наконецъ, на 14-й день среди ровной степи показались крыши

Темирскаго укрѣпленія. «Начальникъ кибить» — проговорилъ Ахметка, указывая нагайкой по направленію самой высокой красной крыши; такъ величалъ онъ двухъ-этажный домъ уѣзднаго начальника. Впрочемъ, киргизы и любой дворецъ назовутъ кибиткой, развѣ только прибавятъ «улькунъ» (большая). Въ Каракамышѣ я распрощался со своимъ спутникомъ, подарилъ ему корзинку и всю лишнюю мелочь, но мѣшокъ, мой великолѣпный мѣшокъ, взялъ себѣ на память, хотя Ахметка и поглядывалъ на него очень краснорѣчиво. Отсюда уже на почтовыхъ чрезъ Илецкую Соляную Защиту я доѣхалъ до Оренбурга.

Проф. А. М. Никольскій.
